

когда зацветет сакура...

Алексей
Воронков

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Алексей Воронков

Когда зацветет сакура...

«ВЕЧЕ»

2014

Воронков А. А.

Когда зацветет сакура... / А. А. Воронков — «ВЕЧЕ»,
2014 — (Секретный фарватер (Вече))

ISBN 978-5-4444-8593-4

Второго сентября 1945 года на борту американского ракетного крейсера «Миссури» был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии. Вторая мировая война закончилась, армии вернулись к местам постоянной дислокации, но для сотрудников секретных служб работы только прибавилось. На Корейском полуострове, оккупированном советскими и американскими войсками, разворачивается острая борьба за политическое будущее страны. Группе советских разведчиков-фронтовиков поручено тайно доставить в целости и сохранности на территорию Северной Кореи группу видных корейских коммунистов, находившихся в эмиграции в СССР, для подготовки «народной революции»...

ISBN 978-5-4444-8593-4

© Воронков А. А., 2014

© ВЕЧЕ, 2014

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	21
Глава четвертая	27
Глава пятая	34
Глава шестая	41
Глава седьмая	46
Глава восьмая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Алексей Воронков

Когда зацветет сакура...

© Воронков А. А., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

* * *

Светлой памяти родителей-фронтовиков

*Чем хуже этот век предшествовавших?
Разве тем, что в чаду печали и тревог
Он к самой черной прикоснулся язве,
Но исцелить ее не мог...*

Анна Ахматова

Пролог

По серому августовскому небу скользнула птица. Задев своим крылом кучевое облако, она скрылась из виду. Одинокий самолет летел в огромном азиатском небе. Никто с земли не обратил на него внимания, разве что радары на японских кораблях. Что им одинокая машина, скользящая где-то там, за сутолокой набухших от влажности туч? Один, как говорится, в поле не воин. В одиночку никто Перл-Харбор не повторит. Для этого нужно поднять в воздух бесчисленную крылатую армаду. Как это сделали они, японцы, в декабре сорок первого, внезапно атаковав на Гавайях американскую военно-морскую базу, выведя из строя основные силы Тихоокеанского флота США. А один самолет...

Впрочем, и летчик, сидевший в кабине машины, не мог назвать себя библейским Голиафом, способным сокрушить весь мир. В его мыслях даже не было такого, чтобы отомстить за позор Перл-Харбора. Ну что он может сделать? Разве что разбомбить какой-нибудь японский заводик или же разнести в щепки сторожевик, барражирующий вдоль вражеского берега... У него всего-то одна бомба. Однако на базе ему сказали, что эта бомба непростая. Более того, она способна удивить самого дьявола...

«Ты летишь, парень, чтобы стать героем, – провожая его, заявил какой-то важный господин. – Тебе выпала историческая миссия поставить последнюю точку в этой страшной войне».

Вот в это поверить летчик никак не мог. «Ерунда какая-то», – решил он. Если бы все было так просто, то войну давно бы уже закончили. И не было бы этих почти пятидесяти миллионов жертв, о которых пишут газеты. И не горела бы земля в экстазе отчаяния, и не плакали бы от горя женщины и дети, и мужчины не возвращались бы с фронта калекми. Но этого не произошло. А вот теперь ему говорят какую-то чушь о спасении человечества... Нет, он не Христос! Он обыкновенный боевой летчик, которому дали обыкновенное боевое задание отбомбиться над одним из японских городов и вернуться на базу.

А самолет, захлебываясь в ярком солнечном ливне, стремительно продолжал свой полет. Пьянящее мгновение счастья, когда ты свободен от дурных мыслей и поступков, когда твоя просветленная душа готова объять добротой весь мир. «Быстрее бы закончилась эта проклятая война», – думал летчик. Тогда он демобилизуется и вернется домой. Как же ему надоели эти бесконечные тревоги, эти ночные полеты, эти зауспокойные тосты по невернувшимся с задания товарищам. Нет, война – это страшное дерьмо. Мало того что она несет смерть – она еще уносит веру в справедливость, более того, в саму ценность человеческой жизни. Ну зачем, зачем вся эта кровь? Неужели на свете есть что-то дороже детского смеха, доброй материнской улыбки, прикосновения ласковых женских рук? Нет, нет и нет! Жизнь дается для того, чтобы испытать счастье и увидеть свет. Иначе зачем вообще жить?

Самолет быстро вычерчивал в небе свою параболу. Еще быстрее летело время. Так, что мысли летчика не поспевали за ними. А в наушниках постоянно раздавались эти голоса с земли. То о самочувствии справятся, то скорректируют какие-то моменты или дадут прогноз погоды. «И что они так суетятся?» – удивлялся он. И вообще почему к нему такое пристальное внимание? Прежде такого не было. Что происходит?..

Из раздумий его вывели умные приборы, которые координировали его в пространстве.

– Нахожусь над целью! – неожиданно произнес он.

– С Богом, парень! – кто-то сказал ему с земли. И он привел в действие механизм сброса...

Бомба, словно тот бешеный пес, выпущенный из вольера, тут же устремилась к цели. Летчик этого не видел. Да ему и не надо этого видеть. Его задача – немедленно убраться из этого квадрата. Это приказ. Он сделал в небе широкий вираж и ушел на базу. А тем временем бомба с той же безмолвной остервенелостью продолжала свой путь, пересекая пространство и

приближаясь к земле. Пробив толщу заряженных осенней сыростью облаков, она, кажется, на мгновение повисла над городом, чтобы запечатлеть его для истории. Таким, каким он больше никогда не будет. О, эти странные человеческие мозги, которые вместо того, чтобы заняться проблемой бессмертия, пытаются разом уничтожить всю планету!..

Огромный город, разбитый хитросплетениями узеньких ленточек улиц на кварталы, заселенные бесконечными кубиками и прямоугольниками домов. Среди этих кварталов в правильных и неправильных геометрических плоскостях застыли островки площадей, скверов, стадионов... С востока город омывало море. Вся в золотых блестках рябилась вода в бухте, отражая скупые солнечные лучи. В порту – скопище каких-то темных точек. Морские суда... Ворочали свои длинные шеи порталные краны, выгружая из трюмов-сухогрузов лес, какие-то тюки, ящики, контейнеры, механизмы, поддоны с кирпичом... Бороздили акваторию порта почти невидимые сверху катера; натужно ревели дизели буксиров в попытке оторвать от стенок причалов груженные суда, чтоб увести их из бухты в открытое море.

Людей почти не видно – слишком малы масштабы человеческой жизни, – но они где-то там, среди домов и в самих домах. Они занимались своими мирными делами и даже не подозревали, что сверху на них движется смерть... Несчастные. Еще мгновение – и они сгорели в огненном аду. Счастливые – они не почувствовали этой смерти. Хуже всего тем, кто остался в живых и всю жизнь корчился в бреду потухшего сознания и страдал от физической немощи. Слепые, глухие, безногие, безрукие, а то и вовсе лишённые движения...

Но хватит. Бомба существует не для того, чтобы созерцать мирное течение жизни, она должна убивать.

Яркая вспышка... – будто солнце упало на землю. Говорили, она была видна за сотни километров. Люди решили, что это обман зрения или же на крайний случай какие-то природные катаклизмы. Летчик этой вспышки не увидел, как не увидел он и того, что творилось внизу. А там... Это был ад, доселе не описанный ни в одной книге. Взрыв – и космический вихрь, разрушив своей ударной волной дома, поднял в воздух машины, людей, корабли, обломки зданий и сооружений... Весь этот ужас длился всего несколько секунд, и за эти секунды успела погаснуть жизнь целого города. Он превратился в сплошные руины, среди которых лежали десятки тысяч обугленных трупов...

Когда ничего не подозревавший летчик узнал о результате своего боевого полета, он сошел с ума. Но об этом газеты не сообщили. Слава героя не должна была померкнуть в жиденьком свете палаты для умалишенных. Она должна была звездой сиять в торжественном гуле победы.

Потом американцы оправдывались, заявляя, что только так можно было покончить с врагом. Дескать, сравнив количество людских потерь при возможном вторжении в Японию с размером жертв среди гражданского населения противника при использовании атомной бомбы, президент Трумэн выбрал атомное оружие. После американского ядерного удара Советский Союз, выполняя обещание Сталина вступить в войну против Японии через три месяца после полной капитуляции нацистской Германии, нанес удары по Квантунской армии в Маньчжурии. 15 августа 1945 года император Хирохито попросил японский народ смириться с поражением. И 2 сентября того же года на борту американского крейсера «Миссури» официально был подписан акт о полной капитуляции Японии. Закончилась Вторая мировая война.

Часть первая

Глава первая

1

Получив накануне телефонограмму с требованием немедленно явиться в особый отдел, Жаков недовольно поморщился. «Ну что за спешка? – подумал он. – Неужто нельзя было подождать? Ведь выходной на носу. Выходит, поход с женой в офицерский клуб откладывается? А Нине так хотелось потанцевать...» Впрочем, за эти последние годы он уже привык ко всему. Скажи ему сейчас, что он должен лететь на Северный полюс, – и это бы проглотил. Человека, который еще недавно в составе разведывательно-диверсионных групп совершал глубокие рейды в фашистский тыл, наверное, уже ничем нельзя было удивить. Тем более напугать. Но сейчас война закончилась, и лететь ему никуда не придется. Разве что домой...

Оставив ординарца охранять дом, Алексей сел за руль своего служебного «виллиса» и под покровом ночи отправился в путь. Время было тревожное, поэтому приходилось быть осторожным.

В Пхеньян, где располагался отдел контрразведки СМЕРШ, он приехал рано утром, когда еще были безлюдными рыночные площади. Обогнав деревенских торговцев зеленью, которые, выстроившись в длинный цуг, привычно катили свои тележки с овощами по размытой дождями дороге, он, не сбавляя скорости, въехал в город. Тишина. На пустынной мостовой, где еще только-только проклевывалась жизнь, мирно расхаживала тощая общипанная курица. Эта сермяжная картина развеселила Алексея, и он улыбнулся. Хорошо-то как! Будто бы и не было этой войны. Будто бы так и было всегда... «Как же быстро мы привыкаем к хорошему и забываем про все свои беды! – думал капитан. – Наверное, только это нас и спасает. Иначе бы сердце не выдержало, обливаясь кровью недобрых воспоминаний».

«Какая все-таки странная эта жизнь, – думал Алексей. – Казалось, живи себе и радуйся – так ведь нет. Все воюем, воюем... И так – веками... Но почему?.. Почему люди не могут жить без того, чтобы убивать друг друга, чтобы приносить горе в чужие семьи и взамен самим страдать от потерь? Или это уже закономерность? Но ведь человек – сам себе Бог! Ему все подвластно в этом мире, отчего же он тогда не сделает так, чтобы зло навсегда уступило место добру? Или же мы еще находимся на такой низкой ступени развития, что не понимаем, что творим?..»

Было по-осеннему свежо. Как-никак конец сентября, когда с гор нет-нет да повеет прохладой или небо вдруг затянет тучами и прольется дождь. А то и с моря потянет сыростью, которую принесут с собой сизые густые туманы. Бывают и шквальные ветры – это море, почувствовав близкую зиму, начинает гулять штормами, прогоняя на берег многочисленных рыбаков.

Вот и сейчас откуда-то вдруг налетел холодный ветерок – и сразу стало неуютно. А говорят, тут и летом так. Днем жарко, а по утрам туман бродит по улицам, оседая сыростью на мостовых и стенах домов. Не случайно корейцы издревле называют свою родину Чосон – Страной утренней свежести.

Пхеньян – город немаленький, однако он скорее был похож на большую деревню. Дома одноэтажные, глинобитные, а то и просто дощатые. Попробуй перезимуй в таких. А ведь как-то же зимуют. В общем, бедность – не приведи господи. И среди этой неприкрытой много-

вековой убогости, словно островки добротной жизни, – административные здания бывшего оккупационного режима и жилые дома японских колонистов да местной знати. Теперь, после того как японцев прогнали, в большинстве из них разместились государственные учреждения, в том числе Центральный Комитет Трудовой партии Кореи, городская управа и управление народной милиции.

Поплутав по узеньким кривым улочкам, Алексей наконец добрался до центра города, где в небольшом тупичке приютился трехэтажный особняк из красного кирпича, у входа в который стоял часовой. В нем разместились службы военного гарнизона и городская военная комендатура; здесь же находился и особый отдел – одно из структурных подразделений Управления контрразведки СМЕРШ Приморского военного округа.

На подъезде к зданию была небольшая площадка, где стояли трофейный «оппель-адмирал», на котором ездил начальник гарнизона, и дежурный «виллис».

Оставив автомобиль на стоянке, Жаков показал часовому удостоверение и прошел в здание. К его удивлению, там уже вовсю кипела казенная жизнь: кто-то бегал по коридору с какими-то папками, кто-то громко разговаривал по телефону или уже с утра давал нагоняй подчиненным. Алексею не впервой приходилось бывать здесь, поэтому он без труда отыскал кабинет начальника особого отдела. Полковник Дудин был на месте.

– Подождите, товарищ капитан! – сказал Жакову дежуривший в приемной помощник Дудина старлей Пахомов. – Я сейчас доложу о вас начальнику.

Дудин долго не заставил ждать.

– Ну проходи, проходи, Алексей! – вставая ему навстречу и протягивая руку, дружелюбно произнес он. – Рад тебя видеть... Ну как ты? Нормально добрался?

– Да... все хорошо... – коротко ответил Алексей. Человеком он слыл серьезным и немногословным. Скорее всего, причиной тому – тяжелое сиротское детство, где приходилось не жить, а выживать, отсюда и эта не по годам серьезность. А ведь и тридцати еще не было. Но это фактически, по документам же этот самый тридцатник он еще в марте отметил, перед самым концом войны. Когда-то, чтобы его, четырнадцатилетнего пацана, взяли учеником на завод, он попросил председателя сельсовета приписать ему в документе два года – тот за два куриных яйца и приписал.

С Дудиным они вместе работали почти с самого начала войны. Полковник помнит, как Жаков пришел к нему в особый отдел бригады совсем «зеленым» лейтенантом. Его еще тогда не успели переобмундировать, поэтому на нем была энкавэдэшная форма – зеленая гимнастерка с шевроном на рукаве и «шпалой» в петлице, синие галифе, хромачи, на голове – фуражка с синим верхом и красным околышем. Все это он в тот же день сменил на обыкновенную армейскую полевую форму.

Вначале Дудин подумал, что Алексей – новичок в их деле, но, как оказалось, за его плечами уже был некоторый опыт оперативной работы: после окончания в сороковом году свердловской школы Главного управления госбезопасности его направили уполномоченным в Куйбышевское областное управление НКВД, где он и встретил войну. А когда Дудин познакомился с Жаковым ближе, когда узнал, что это за человек, то и вовсе проникся к нему уважением. Парнем тот был смелым, рассудительным, а главное – у этого бывшего беспризорника был богатый жизненный опыт. А таких Дудин любил – у самого была непростая биография.

За свои неполные пятьдесят ему столько пришлось пережить всего, что иным бы этого с лихвой хватило на целую жизнь. Он и в революции участвовал, и в Гражданскую воевал. Потом были народные стройки... Строил ДнепрогЭС, Комсомольск-на-Амуре. Позже по комсомольскому набору попал в органы. Этот период он не любит вспоминать. Говорит, много ошибок было в их системе, а как-то в разговоре с Алексеем и вовсе высказал крамольную мысль. Дескать, за те ошибки с них еще когда-нибудь строго спросят, потому как это великий грех – изводить людей, пусть даже эти люди были трижды не правы.

За спиной подчиненные называли Дудина дедом. С ними он вел себя уважительно, всех знал по имени-отчеству. Более того, он знал, как зовут их жен, родителей, братьев, сестер, а у кого были дети, то и детей. В общем, человеком он был внимательным и чутким, хотя и требовательным. Он не спускал тем, у кого были постоянные просчеты в оперативной работе, тем более, кто злоупотреблял своим положением или нарушал воинскую дисциплину.

– Да ты садись, садись, что стоишь? – указывая капитану на стул, произнес Дудин. – Может, чайку? – спросил. – С дороги-то, а?..

– Да я б не отказался... – ответил Алексей. – Утром не хотел будить жену – уехал, не позавтракав...

– Ах, даже так!.. Пахомов!.. – позвал он помощника. – Где там наш Ерохин? – Когда ординарец появился на пороге его кабинета, приказал: – Ты вот что, Паша... Принеси-ка капитану чего-нибудь поесть... И чтоб чай был горячий, ты понял меня?

– Слушаюсь, товарищ полковник! – проговорил тот и, прихрамывая на одну ногу, отправился выполнять приказание.

Этого рядового Ерохина Дудин взял себе в ординарцы в сорок третьем, когда их корпус вел бои на Украине. Раньше тот служил в разведоте, при этом разведчиком он был отменным. А тут вдруг тяжелое ранение, госпиталь... После этого стал волочить ногу. Хотели комиссовать, а он ни в какую: буду дальше воевать – и все тут! Ну, Дудин и сжалился... Теперь вот выполняет его поручения и никак не может свыкнуться с ролью денщика. Не мужское это дело, мол. Но нынче все, война закончилась. Скоро домой...

– Ну, как там твоя Нина? – глядя на то, как капитан не без аппетита уплетает гречневую кашу с тушенкой, спросил Дудин.

Если бы на полковнике не было погон, то в нем трудно было бы угадать военного. Он больше был похож на заводского мастера. Чуть седоватый непокорный чуб, добрый, хотя порой и строгий, взгляд, и эти большие нагруженные руки в толстых венах, какие бывают только у рабочих. И никакого барства. Так было и на фронте, где, что уж греха таить, все делалось с оглядкой на «особистов», где их принимали за тех же энкавэдэшников, которые еще недавно наводили ужас на людей. Ведь многие еще помнили и эти ночные аресты, и политические процессы, и расстрелы, и этапы на Колыму... Так что незавидной была участь тех, кто, будучи людьми совестливыми, невольно стал частью карательной системы. К таким людям принадлежал и полковник Дудин, бывший начальник особого отдела СМЕРШ одной из прославленных механизированных бригад, а ныне руководитель одного из структурных подразделений Управления контрразведки СМЕРШ Приморского военного округа.

Ни разу в жизни не подписавший ни одного смертного приговора, он тем не менее и себя чувствовал виновным в недавних репрессиях. Но самое страшное для него заключалось в том, что он не мог бросить свою работу и заняться другим делом. До войны ему не хватило духу написать рапорт об увольнении, а сейчас он просто был не вправе что-то менять. «Вот кончится война, тогда...» – думал он.

А вот Жаков пришел в органы тогда, когда репрессии пошли на спад. «Тебе хорошо, – говорили ему сослуживцы, тайно переживавшие все случившееся, – тебе не пришлось марать руки – чистеньким останешься. А вот мы...»

2

Придя на работу в областное Управление НКВД, Алексей с жадностью набросился на документы, хранившиеся в здешнем архиве, пытаясь познать изнанку того, что происходило в последние годы в стране. Кое-что он уже знал. И про Особое совещание, и про «тройки», что порой без вызова свидетелей и присутствия адвокатов, так сказать по упрощенной форме, выносили людям приговоры. Но то казалось ему чем-то далеким, совершенно не касающимся

его. Не было среди его знакомых ни врагов народа, ни диверсантов, ни вредителей. Его в основном окружали работяги с завода, а какие они враги? Все, как говорится, от сохи. Старые пролетарии – те из революции вышли, молодые же были в основном детьми тех, кто погиб за советскую власть в Гражданскую. В общем, здоровое окружение.

Правда, и на его родном заводе не обошлось без арестов. А поводы для этого были. Неполладки на производстве, брак расценивались как вредительство, диверсия, за что можно было получить лет двадцать пять лагерей, а то и «вышку». При этом суд не учитывал того, что освоение нового производства всегда сопряжено с большими трудностями. Что на предприятиях остро ощущалась нехватка инженерно-технических кадров и квалифицированных рабочих. На производство пришли сотни тысяч людей, не имевших никакой квалификации: молодежь, женщины, бывшие крестьяне. Массовый характер носили нарушения технологической дисциплины. Дорогостоящее оборудование нередко ломалось из-за неумелого обращения, повышался процент брака. В этих условиях недостатка во «вредителях» и «диверсантах», ясное дело, не было.

Первым тогда на заводе, где работал Жаков, арестовали директора, посчитав, что он покрывает этих самых «вредителей». И то: мужик он был хоть и крутой, но добрый, который понимал, что, как говорится, и Москва не сразу строилась, поэтому на первых порах без ошибок не обойтись. Слухи ходили, что он из «бывших», однако к рабочим относился с уважением, оттого и сам был у них в почете. Не любили они только иностранных мастеров, которых тогда приглашали обучать пролетарскую молодежь премудростям новых технологий. В ту пору полным ходом шла индустриализация страны, но, чтобы выпускать современную, конкурентоспособную на мировом рынке продукцию, требовалось новейшее оборудование. Его и закупали за границей, а заодно и иностранных спецов везли, чтобы те учили уму-разуму советских пацанов. А эти были не то, что наши мастера, которые по-отцовски относились к ученикам. Чуть что – сразу по рукам железной линейкой да в крик. Это сильно задевало парней. Как они смеют так на советских комсомольцев! А тем наплевать, кто ты, – главное, чтобы науку успешно осваивал. Теперь-то Жаков с благодарностью вспоминает этих людей, которые смогли сделать из безграмотных мальчишек первоклассных токарей-автоматчиков, таких, что потом с успехом поднимали советскую индустрию. Но тогда этих всех итальяшек и немцев, этих иностранных мастеров они откровенно ненавидели.

На директоре дело не остановилось. Следом попытались арестовать двух молодых инженеров – братьев Тарасовых, которые лишь недавно после окончания промышленной академии прибыли на завод. Но за тех вступилась молодежь: мол, дайте нам самим вначале разобраться во всем...

А заводилой в этом деле стал Лешка Жаков, этот невысокий крепыш с красивым русским лицом, портрет которого висел у проходной в ряду других стахановцев производства. У него был большой авторитет среди заводской молодежи. Мало того что он к своим восемнадцати стал одним из лучших наладчиков токарных автоматов, он еще и в общественной жизни преуспел. Когда правительство страны призвало молодежь идти в авиацию, это он первым записался в городскую авиашколу. И борьбу с безграмотностью на заводе тоже организовал он. Да и субботники, и стахановская вахта, когда молодежь вставала к станкам, чтобы выполнить по несколько дневных норм, – это тоже его заслуга. Ну а местные бандиты?.. Ведь они проходу не давали молодым работягам. Тогда невозможно было в клуб на танцы прийти – там всем рулили эти ухари с косыми челками и надраенными до блеска сапогами, из голенищ которых торчали рукоятки финских ножей – «финок». Дня не обходилось без драк, которые часто заканчивались поножовщиной. А тут Лешка Жаков... «А давайте, – сказал он товарищам, – создадим добровольную дружину и покажем этим жиганам, кто в заводском районе хозяин». Ну и дали они этим ухарям. Да так, что те дорогу в клуб забыли.

...В тот день в клубе яблоку негде было упасть. Вся молодежь заводская пришла на комсомольское собрание, а вместе с ней и старики. Сидят волнуются. Еще бы! Решалась судьба их товарищей. Так им и сказали: если не докажете на своем собрании, что они не враги, – мы их арестуем. И с ними не шутили. Как только народ расселся по местам, тут же у дверей встал энкавэдэшный конвой. Ждали, когда сидевший в президиуме представитель областного Управления НКВД даст им сигнал.

Собрание тогда открыл секретарь парткома Степан Савельевич Батин. Мужик он был справедливый, вот и сейчас он хотел все по справедливости решить. Но только напористым оказался энкавэдэшник. Он такие аргументы против Тарасовых привел, что, по идее, их нужно было тотчас же заключить под стражу. Народ растерялся. И тогда на трибуну вышел Жаков. Сделав небольшое вступление, содержащее несколько сталинских цитат, он стал с аргументами в руках опровергать все обвинения в адрес братьев. При этом он говорил с таким жаром, так убедительно, что ему в конце зааплодировали. После этого энкавэдэшнику ничего не оставалось, как подняться с места и чуть ли не под улюлюканье заводских проследовать к выходу.

Но этим дело не кончилось. От Тарасовых отстали, зато завели уголовное дело против самого Жакова. Его обвинили в том, что он будто бы тайно встречается со своим отцом-белогвардейцем, хотя говорит, что вырос сиротой. «Да ты поезжай, покажи им могилку отца – тогда, может, отстанут», – посоветовал Лешке секретарь заводского парткома. Он так и сделал. В свою родную деревню он прикатил тогда на новой казенной «эмке» в сопровождении двух оперов. Те пошли по домам в надежде выяснить, на чьей стороне воевал Лешкин батя. Однако ничего вразумительного им так никто и не сказал. Дескать, все мы тут воевали, а пойдй разберись, кто на какой стороне. Да и важно ль, мол, это сейчас?..

А вот могилку показали. Тут, говорят, и лежит Серега Жаков. Ну а жена его в другом месте похоронена – в голодовку умерла, оставив пятерых детей горе мыкать.

Тогда от Лешки отстали. Но ненадолго. Однажды вызывали в управление: так, мол, и так, поедешь в Свердловск, в спецшколу НКВД учиться. Тот на дыбы. Дескать, я в авиацию пойду – меня уже пригласили как лучшего курсанта авиашколы. Однако его и слушать не стали. Ты, говорят ему, парень идеологически подкованный и грамотный, а нам именно такие и нужны. Так что забудь про свою авиацию...

Вот так он против своей воли и оказался в органах. Одно его успокаивало: дескать, если здесь больше будет таких, как он, меньше будет зла на земле. Ведь все в этой жизни зависит от самих людей. Главное – быть честным и не бояться ничего. Чтобы потом не оправдываться: а что, мол, я мог сделать? Приказали – вот и выполнял... Но ведь выход всегда есть. Та же пуля, выпущенная себе в висок из револьвера. Уж лучше так, чем потом всю жизнь мучиться угрызениями совести...

– Ну, что молчишь?.. Спрашиваю: как твоя Нина? – повторил свой вопрос Дудин, глядя на то, как Алексей неторопливо уплетает кашу. Худой, изможденный, под глазами черные круги – и это все она, война... А ведь в отдел к нему в сорок втором пришел совершенно другим. Не то чтобы таким розовощеким офицериком, но, во всяком случае, он выглядел намного моложе и свежее, чем сейчас.

Слова Дудина вывели Жакова из задумчивого состояния.

– Нина-то?.. Да все нормально... – улыбнулся он. – Как обычно, с больными своими возится...

– С больными – это ничего... – кивнул Дудин. – Раньше-то все раненые были. Ох, и досталось бедняжке! Ведь всю войну прошла, стольким бойцам жизнь спасла. Помню, помню, как она под пулями в своей операционной палатке колдовала... Молодчага! Золотые руки... Кстати, я слышал, она рапорт подала на увольнение?

– Есть такое дело... Ну а что? Хватит ей уже в казенной робе-то ходить – женщина ведь, – улыбнулся капитан. – Спит и видит себя в платье.

– Понимаю ее, – снова кивнул полковник. – Такая красавица и все в сапогах... Понимаю...

Они помолчали. Покончив с кашей и попив чаю, Алексей попросил разрешения закурить.

– А у тебя что за табачок? – спросил его Дудин.

– Да барахло какое-то... Японские, что ли... В лавке у корейца купил, – он показал пачку с иероглифами. – Хотите попробовать?

Дудин замотал головой.

– Упаси Боже... У меня наш «Беломор». На-ка, возьми пачку... Да не отказывайся – у меня еще есть, – сказал Дудин.

Капитану такой подарок по душе – ведь это его любимые папиросы.

– Товарищ полковник! Я готов слушать... – насладившись родным табачком, произнес Жаков и даже попытался встать, однако начальник жестом остановил его.

– Ты сиди... – он посмотрел на часы. – Сейчас подойдут люди – тогда и начнем разговор.

Не успел он это сказать, как дверь в его кабинет распахнулась, и на пороге появился этакий богатырь, затянутый в полевую офицерскую форму. Жора... Бортник! «Откуда?» – удивился Алексей. Ведь они с ним с самого Харбина не виделись. Тот обслуживал сорок пятый танковый полк, тогда как Жаков был уполномоченным контрразведки корпуса в тридцать пятой гвардейской танковой бригаде. Они плотно дружили, и Дудин об этом знал.

– Давайте, обнимитесь, что ли, друзья-товарищи... – улыбнулся полковник, заметив, как заблестели глаза у капитанов.

Они бросились друг другу навстречу, обнялись.

– Ну, как ты?

– С четвертинки на половинку... Хреново, говорю, но не до конца.

– А ты как?

– Ну, хватит, хватит... У вас еще будет время наговориться, – усладив свою душу чужой человеческой радостью, произнес наконец Дудин. – Присядьте. Сейчас придет один товарищ – и мы начнем.

Глава вторая

1

Тем человеком, о котором обмолвился полковник, оказался некто в штатском, которого Дудин называл товарищем Козыревым. На вид ему было лет пятьдесят. У него была довольно упитанная холеная физиономия, лысый череп и круглые очки в золотой оправе, отчего он сильно смахивал на портретного Берию. Вел он себя важно, даже, можно сказать, несколько нагло, будто бы перед ним были не прошедшие фронт люди, а какие-то сермяги. «Видно, важная птица», – решил Алексей.

При Козыреве был моложавый переводчик с корейского в звании майора. Лицо азиатское, однако звали его Артемом Ивановичем. И только фамилия его – Цой – говорила о его корейских корнях. Позже Жаков узнал, что родина этого человека – Приморский край, откуда в середине тридцатых почти всю корейскую диаспору выселили в Среднюю Азию, где Артем Иванович окончил университет, после чего его забрали в Москву. Где он там служил, Цой не сказал, но можно было и так догадаться, что не в пехоте...

– Товарищи, – обращаясь к Жакову с Бортником, начал Дудин. – Я вас вызвал для того, чтобы... – он на мгновение задумался, подбирая нужную фразу. Не найдя ничего путного, решил закончить по-простому: – Короче, вам предстоит выполнить очень важное...

– При этом исключительно секретное... – беспардонно перебивая его, подчеркнул незнакомец в штатском.

– Да, гм... и одновременно секретное задание... – продолжил полковник. – Вы люди проверенные и опытные... Весь ваш славный боевой путь тому подтверждение. Когда встал вопрос, кому поручить это дело, командование группы советских войск в Корее, политический отдел и, естественно, руководство Управления контрразведки СМЕРШ Приморского военного округа, которое я здесь представляю, не раздумывая, назвали ваши фамилии... Вот и товарищу Козыреву, когда он ознакомился с вашими личными делами, к вам не было никаких претензий. Правильно я говорю? – обратился он к очкастому. – Тот в ответ многозначительно кивнул. – Ну а сейчас товарищ Козырев сам вам обо всем расскажет.

Очкастый не сразу начал говорить. Вначале, прикрыв глаза и пожевывая губами, о чем-то некоторое время поразмыслил, и только потом, вскинув свой толстый подбородок, измерил взглядом сидящих перед ним офицеров. Вначале посмотрел на одного, потом на другого и наконец устался в какую-то точку между ними.

– Товарищи офицеры... – начал он. – Я не случайно употребил слово «секретное»... Поясняю... Как вы знаете, после разгрома японских милитаристов и освобождения Кореи эта страна автоматически была поделена нами и нашими союзниками в борьбе против оси Рим – Берлин – Токио на две части. Северную часть заняли наши войска, в южной пока что правит американская военная администрация. Кстати, с самого начала эта администрация вынашивает реакционные планы, препятствуя естественному процессу, происходящему на Корейском полуострове. При поддержке американцев реакционные силы страны пытаются подавить демократическое движение и, по существу, ведут к расколу Кореи.

– Можно вопрос? – неожиданно произнес Жаков. Очкастый кивнул. – Впрочем, это даже не вопрос, а так, кое-какие размышления... – получив разрешение, начал капитан. – Скажите, товарищ Козырев, в Москве уже решили, что будет с Кореей? Точнее сказать, с ее северной частью... Надо полагать, юг так и останется за американцами. Ведь они никогда не пойдут на то, чтобы уйти из этого региона. Китай они уже, по существу, профукали, теперь вот Корея...

Хотелось бы узнать, какие планы у Москвы на этот счет? Даст ли она корейцам возможность самим определиться в выборе, или же мы предложим им нашу модель развития?..

Этот вопрос мог бы смутить многих. Отсюда и эта внезапно повисшая в кабинете тишина.

– Тебе это надо? – недовольно ткнул товарища в бок Бортник. – Тоже мне, нашел время...

А Жаков уже и сам понял, что допустил ошибку. Вон как пристально посмотрел на него этот москвич. Видно, недоволен: дескать, не по Фомке шапка. Но, к его удивлению, тот даже не повысил голос, напротив, он снизошел до того, что стал что-то объяснять.

– Пока, – говорит, – правительство наше не решило что-то окончательно. Да, нас не устраивает поведение американцев, и поэтому мы попытаемся взять инициативу в свои руки. О юге Кореи мы пока говорить не будем – корейцы в будущем сами решат этот вопрос. Нам нужно здесь, на севере, утвердить народную власть. Во-первых, мы должны помочь корейцам создать органы управления, укрепить обороноспособность этой части страны, поделиться с корейскими товарищами опытом политической борьбы, в конечном счете – создать полнокровное государство.

– Государство? – удивился Алексей.

– Да, вы не ослышались – именно государство, – ответил Козырев. – Вспомните наш опыт. Когда-то во время Гражданской войны советское правительство пошло на то, чтобы на Дальнем Востоке страны была создана отдельная республика – ДВР. Кстати, буржуазно-демократическая по форме. Это было вызвано главным образом международной политической обстановкой. Нам нужен был буфер, этакий волнорез, который бы сдерживал натиск интервентов.

– Выходит, будут две Кореи?.. – произнес Алексей и покачал головой.

– Выходит, так... – подтвердил Козырев. – Однако никаких установок наше руководство еще не давало. Но, я думаю, в любом случае оно не пойдет на то, чтобы в ближайшее время вывести наши войска с Корейского полуострова.

– Будем ждать революции? – тут же отреагировал на эти слова Жаков.

Козырев нахмурился.

– Революций не ждут, товарищ, их готовят, – жестко проговорил он. – Ну да ладно... теперь о главном... Как я уже сказал, мы должны помочь корейцам установить народную власть. Для этого в первую очередь нужно создать государственные институты управления... Кое-что товарищи из руководства Трудовой партии Кореи уже предпринимают. Наша с вами задача – доставить с территории Советского Союза группу корейских революционеров, которые во время японской оккупации работали в подполье, но потом по разным причинам вынуждены были покинуть свою страну... Это задание может показаться кому-то легким, – заметив, что его слова не вызвали большого восторга у капитанов, произнес он. – Но это не так. Американская разведка не дремлет. Она прекрасно осведомлена о том, что несколько видных руководителей корейского революционного подполья находятся в настоящее время на нашей территории. Поэтому ее лазутчики постоянно отслеживают каждый наш шаг – видимо, кто-то хочет воспрепятствовать возвращению этих людей на родину. Об этом говорят и донесения, полученные нашей внешней разведкой. Так что в пути может случиться всякое. Я имею в виду провокации, диверсии и все в этом роде. Поэтому мы должны быть очень осмотрительными.

– Так это понятно... – произнес Бортник, и его широкое скуластое лицо покрылось румянцем. Он уже начал глубоко переживать суть момента. И так у него перед каждой серьезной операцией.

Бортник был года на два старше Алексея, однако эту разницу вряд ли кто мог заметить. Более того, внешность пышущего здоровьем Георгия часто обманывала людей, и они считали, что старшим по возрасту среди них двоих является не он, а Жаков. Может быть, это болезненная худоба так старила Алексея – незадолго до окончания войны он получил серьезное ранение, – а может, людей просто сбивала с толку эта вечная его сосредоточенность и задумчивость.

Жора – балагур, весельчак, известный бабник, тогда как Алексей отличался сдержанностью, рассудительностью и аккуратностью в моральном плане. Да и внешность их являла полную противоположность. Бортник был на полголовы выше своего товарища и выглядел гораздо мощнее. Такое впечатление, что этот славянский темноволосый Голиаф был вырублен из ноздреватой глыбы застывшей вулканической породы. У него были огромные кулаки, которые не раз выручали его в рукопашном бою. Что касается Алексея, то он, несмотря на свою болезненную худобу, был хорошо сложен – до войны был чемпионом города по спортивной гимнастике. У него чуть бледное умное лицо с ярко выраженным мужским подбородком и темно-каштановые с ранней проседью волосы, которые он аккуратно зачесывал назад.

До войны Жора жил где-то под Киевом и так же, как его товарищ, работал в органах НКВД. Только пришел он туда не в сороковом, как тот, а несколькими годами раньше, и не из заводских цехов, а сразу после окончания школы. Что-то подсказало ему, что это именно то, что ему надо.

Он был женат, более того, в отличие от Алексея, он даже детей успел «настрогать». Двое у него их было – мальчик и девочка. Когда началась война, когда люди в панике рванули из своих разрушенных городов и селений в глубь страны, Бортники побежали вместе со всеми. О том, что тогда творилось, Жора не любил вспоминать. Слишком большая это была для него тема. И все ж однажды, не имея, видимо, уже больше сил держать эту боль в себе, он вдруг открылся другу. Знал, что тот никому ничего не расскажет.

Так и узнал Жаков всю правду. Оказывается, вовсе не в эвакуации была его семья, как было написано в его личном деле. Убегая от немцев вместе с толпами таких же отчаявшихся и несчастных людей, Бортники проделали большой путь, пока вдруг не вышли к широкой реке. Там еще каким-то чудом работала переправа, хотя немецкие самолеты то и дело бомбили ее. Им пришлось выстоять большую очередь, прежде чем попасть на паром. Крики, давка, плачущие дети... Первым взошел на спасительный плот Георгий. И в этот момент в небе появились немецкие штурмовики. Людские пронзительные крики тут же смешались с диким ревом моторов. Потом раздались взрывы, засвистели пули... Паромщик отдал швартовы и повел свой плот на другой берег.

– Давай руку!.. Руку давай! – кричал Георгий жене. – Прыгайте, прыгайте!..

Но было уже поздно. Несколько потерянных секунд – и все: жена и дети остались на берегу. Он метался, рвал на себе рубаху, с ужасом глядя на то, как паром, удерживаемый натянутым через реку тросом, все дальше и дальше уходит от пристани.

Хотелось крикнуть паромщику: «Стой!», но разве тот остановится, когда вокруг свистят пули, когда то справа, то слева вода в реке вздымается от взрывов бомб, норовя всей своей тяжестью обрушиться на дощатую платформу плота и перевернуть его.

Так и остались в его памяти наполненные ужасом глаза жены и эти утонувшие в тумане времени беспомощные образы его детей – пятилетней Дашки и трехлетнего Тараса. А еще немецкие штурмовики, которые с воем летали над пристанью и безжалостно расстреливали находившихся на ней людей.

2

После того случая Жора решил, что остался вдовцом. А тут перед самым концом войны, когда корпус вел бои на вильнюсском направлении, сошелся с полковой радисткой Зинаидой, которая и стала его гражданской женой. И если раньше они часто встречались с Жаковыми, то сейчас это было делом достаточно сложным. Это тебе не Рига и не Харбин, где их воинские части стояли рядом, отчего они могли ходить друг к другу в гости хоть каждый день. Теперь все было по-другому: Бортник из Харбина вслед за Жаковым выехал в Нампхо, что на побережье Желтого моря, тогда как Алексея направили в небольшой портовый город Гензан, рас-

положенный на берегу Японского моря, где они с Ниной теперь и обретались, с нетерпением дожидаясь отправки на родину.

...Им даже с женами не дали проститься. Все, что необходимо было в дороге – бритвенные принадлежности, полотенца, зубные щетки с порошком, вплоть до последней бархотки для обуви, – друзьям принесли в штаб в небольших чемоданчиках. А потом их заставили снять военную форму и переодели в гражданское платье. Теперь они в этих новеньких бостоновых костюмчиках мышинового цвета, в пальто из легкой ткани и фетровых шляпах были похожи на лондонских денди. Смотрели друг на друга и не узнавали.

На улицу во избежание всяких случайностей им выходить запретили. Вот и сидели они взаперти до самой ночи, словно проштрафившиеся школяры, с неподдельной завистью глядя в окно, за которым кипела городская жизнь. Работали магазины и лавчонки, сустились люди, дышали восточными ароматами небольшие ресторанчики и харчевни, у которых обычно не было вывесок с названиями – только характерные для этих заведений красные бумажные фонарики у входа. То и дело мимо окон штаба, смешно семеня короткими ногами, рысью пробегали дзинрикиси, перевозившие в двухколесных колясках знатных корейцев. А то вдруг среди потока рикш апофеозом последней здешней моды возникал новенький педикейб – такая забавная коляска с велосипедом, в которой восседала какая-нибудь местная купчиха в японском цветастом кимоно. И повсюду велосипеды, велосипеды, которые непрерывной волной, вереща звонками, катили в обе стороны улицы. И тысячи узкоглазых лиц. В широкополых острокопечных соломенных шляпах, в холщевых кепках, в простеньких синих штанах и таких же простеньких сермяжных халатах, сосредоточенные и задумчивые, улыбчивые и безликие... Молодые, старые, мужчины, женщины, дети... И все куда-то спешили, и все чего-то ждали от этой жизни, подспудно понимая, что только в этом хаосе движения рождается высокий смысл их существования, что только так, спеша куда-то, они достигнут чего-то нужного и важного.

– Прямо муравейник какой-то! – сказал Жора, глядя на все это. – Вроде война закончилась, япошек прогнали из страны – можно и отдохнуть. Так нет ведь, крутятся будто заведенные... Послушай, – обратился он вдруг к Алексею, – а тебе не кажется, что наше начальство немного переигрывает? – ему надоело скучать у окна, и он решил поделиться с товарищем своими мыслями.

– Ты что имеешь в виду? – не понял его Алексей.

– Да я про секретность эту... Кому они нужны, эти корейские подпольщики? Ну, убьют одного – и что? На его место десять таких придут, – Бортник вытащил из пачки, что специально оставил для них Дудин, «беломорину», закурил. – А нам из-за этого страдай... – выпуская из ноздрей дым, сказал он. – Сейчас бы сидели в какой-нибудь харчевне и попивали сури, нет ведь, торчим у этого окна...

Жаков хлопнул его по плечу.

– Потерпи, Гоша, скоро все кончится...

– Ты это об операции? – спросил Бортник.

– Я это про то, что мы скоро с тобой домой поедem, – улыбнулся Алексей. – Вот там и погуляем... Да так, что стены будут дрожать! За все отгуляем, за все эти годы... И-их! – взмахнул он в чувствах рукой.

Бортник хмыкнул.

– А кто-то еще с весны празднует... – с нескрываемой завистью проговорил он. – Как только объявили о победе – так и началось... Счастливые!

– Ничего, мы свое наверстаем, – сказал Алексей. – Жизнь впереди большая – еще напразднуем. Главное, что мы живы... А ведь сколько нашего брата полегло – жуть... Ты понимаешь, капитан? Вся страна в могилах да руинах! Считаю, фашист нас на несколько десятков лет назад отбросил... А сколько людей из-за этого не родится на свет!

Жора согласно кивнул.

– Много не родится... Вот где-то и мои лежат в сырой земле... А ведь мы с женой готовились сто лет в счастье и согласии прожить. И кто бы мог подумать!..

Жаков внимательно посмотрел на товарища.

– Никак не забудешь?

– Да разве забудешь такое! – сказал Бортник, и глаза его стали влажными.

Чтобы как-то убить время, они решили переброситься в картишки. Жаков вырос среди самарской беспризорной шпаны и потому толк в картах знал. Его ни в «дурака» никто в корпусе не мог обыграть, ни в покер, ни тем более в преферанс. «Штукарь! – говорили о нем. – Играет, будто бы живет. Да его ни один шулер на свете не обыграет. В общем, без куска хлеба на гражданке не останется. Главное, чтоб по статье за азартный промысел не привлекли».

Но у Алексея и в мыслях не было, чтобы промышлять карточной игрой. Нет, он будет жить честным трудом. Вернется на родной завод, выучится, станет инженером. Потом у них с Ниной родятся детки. И будут они жить долго и счастливо. Впрочем, можно ли загадывать? Вон Жора с женою загадали – и что? Только и осталось, что страдать мужику.

Жаков любил Бортника, потому ни разу не упрекнул его за то, что тот когда-то не смог спасти своих близких. «Видно, такая была обстановка, когда человек не в силах был что-то сделать», – мысленно оправдывал он его. Конечно, сам бы Алексей никогда не оставил любимую женщину в беде. Тем более своих детей. Правда, детишек у него покуда нет – о них они с Ниной только мечтают. Ведь скоро будет десять лет, как они женаты, но пока тишина... Нина-то, как оказалось, в сорок первом на фронт беременной ушла. И никому ничего не сказала, а то бы не взяли... А тут контузия, выкидыш... Теперь бы ей полечиться, но кто отпустит?.. Но ничего, скоро ее демобилизуют, и уж тогда Алексей сам отвезет ее на курорт. На самый лучший! Пусть его героиня придет в себя после всего, что ей пришлось пережить. Ведь столько лиха хватило! Однако никогда не пожаловалась на судьбу. Так и несет в себе терпеливо все эти годы как неизлечимый хронический недуг это светлое чувство некоего ожидания.

...Как только стемнело, за ними прислали машину. Жаков думал, что их придут провожать товарищи из Центрального Комитета Трудовой партии Кореи, но этого не случилось. Тех даже не поставили в известность о предстоящей операции, боялись, что об этом узнает американская разведка – «Каунтер интеллидженс кор», или, как ее сокращенно называют, Си-Ай-Си. А это чревато...

Даже машины с охраной не было. Так распорядился руководивший операцией Козырев. Причина все та же – боязнь, что это насторожит тех, кто неусыпно наблюдает за передвижением русских. Интересно, мол, куда это они под покровом ночи рванули? Уж не задумали ли чего?..

Впрочем, присутствие русских на полуострове сейчас тревожило не только американцев. Вся Корея внимательно следила за их действиями. Вроде и рады освободителям, и рукоплескать им готовы, однако что-то все-таки не давало им свободно дышать. Вроде как подвоха какого-то ждали. Что ни говори, а чужая армия всегда непредсказуема. А вдруг возьмут эти освободители да начнут перестраивать все на свой лад? А они уже устали от всего чужого. Сорок лет под японцем жили, но разве то жизнь была? Одно сплошное рабство. Со скотиной и то лучше обращаются. А попробуй не подчиниться – тут же поставят к стенке. Многих людей замучили эти самураи и еще больше бы замучили, если бы не пришли русские. Но теперь и этих нужно бояться. Ведь неизвестно, что они замышляют. Вот говорят же, что они уже и правительство свое хотят здесь поставить. Но пока чего-то тянут. Может, ищут подходящие кандидатуры?..

Была глубокая ночь, когда они подъехали к военному аэродрому, где их уже ожидал фронтовой бомбардировщик ТБ-7, один из тех, что еще недавно в составе эскадрильи дальней авиации летали бомбить Берлин, а позже громили японские позиции на севере Китая и в Корее. Машина надежная, оснащенная пушкой и двумя пулеметами, за штурвалом которой

прошедшие две военные кампании опытные летчики. Этих, как говорится, на испуг не возьмешь. Если что – будут драться до последнего.

В целях конспирации взлетали при погашенных огнях. Взлетная полоса была короткой, а так как был полный штиль, самолет пришлось поднимать на форсаже. Короткий разбег, прыжок – и вот они уже растворились в черном бархате неба, на котором крупными светлячками выступили осенние звезды. Огромное ночное небо и в нем, кажется, никакого движения. Только полет тишины...

«Интересно, что там сейчас делает Нина?» – думал Жаков. Спит или переживает за него? Обычно он сам сообщал ей о своих командировках, а тут вон как вышло... Пришлось просить старлея Пахомова, чтобы тот сделал это за него. Обещал позвонить. И с Васей Гончаруком обещал переговорить, чтобы тот не спускал глаз с Нины. Время-то вон какое серьезное. А на нее уже было одно покушение. А где одно, там может быть и второе...

...Козырев оказался человеком душевным, если не сказать простым. Это он на земле из себя начальника строил, а как только сел в самолет, тут же вытащил из большого, слегка потрепанного в казенных поездках портфеля бутылку коньяка и закуску. Так, мол, полагается – это чтобы полет был счастливым.

С собой у него был только один походный стаканчик. Тот и пошел по кругу.

– Лететь нам, братцы, часа четыре, так что кто хочет, может поспать, – сказал старшой, когда они почти в полной темноте опорожнили бутылку.

Но разве уснешь – ведь на душе такое творится... Не в чужие края летят – на родину! Странно как-то... Вроде бы недавно оттуда, а кажется, будто вечность прошла.

Заметив, что офицеры проигнорировали его предложение, Козырев достал из портфеля вторую бутылку. Дескать, коль не берет сон, давайте выпьем еще. Глядишь, и поможет...

Когда прикончили и эту бутылку, их потянуло на разговоры. Говорить было трудно – мешал гул работающих моторов. Вот они и старались перекричать его. В основном говорили о том, как они будут жить после войны. Всем хотелось в мирной профессии себя найти. Например, Козырев с удовольствием бы вернулся в школу, где он начинал когда-то свой трудовой путь, работая учителем русского языка и литературы. Он знал много стихов и постоянно их цитировал: когда к месту, когда просто так – от любви к искусству. После выпитого все были в ударе чувств. Даже чуть было петь не начали. И запели бы, если бы кто-то вдруг не выглянул в иллюминатор и не увидел слева по борту какие-то две пульсирующие точки. Взглянули вправо – та же картина...

– Американцы! – долетело вдруг до их слуха из кабины пилота, и тут же двое пулеметчиков, которые до этого сидели тихо, ничем не проявляя себя, заняли свои места.

– Вот собаки, так их перетак! – чужим голосом проговорил бывший учитель. – Что им надо?.. – он прильнул к иллюминатору и, неотрывно глядя в него, тихонько паниковал. – Но как же они нас заметили? Мы ж без огней летим... А может...

Вот это «а может» больше всего и тревожило его. Он знал, что американские самолеты стали все чаще и чаще совершать ночные полеты над территорией, занятой советскими войсками. Видимо, пытались вести разведку, а заодно и следить за передвижением наземного и воздушного транспорта русских. Что и говорить, те прославились в войну своими хитроумными стратегическими решениями, так что за ними глаз да глаз нужен. Особенно ночью, которая давно стала им верным союзником в их потайных делах. А тут самолет без огней – разве не подозрительно?..

Козырев человеком был необстрелянным – испугался. Впрочем, и бывалые встревожились. Дескать, не хватало еще, чтобы их сбили! Ладно бы на войне – а то в мирное время. Что люди будут говорить на их похоронах? Досадная оплошность союзников? Так бесславно и уйдут в землю. Уж лучше бы тогда на войне убили – не так было бы обидно...

Истребители, заняв место по обе стороны «тэбэшки», будто бы и не собирались улетать. А чего им было бояться? Русские шли без прикрытия, так что, по сути, большой угрозы для них не представляли. А вот сами были ничем не защищены. Это понимали и те, кто находился внутри бомбардировщика. В любую минуту их могли сбить, а у них и парашютов-то нет.

– Но ведь это не их территория! – не выдержал вдруг Бортник. – Есть же, в конце концов, соответствующие договоренности с американской администрацией.

Козырев усмехнулся.

– Договоренности!.. А когда их кто соблюдал? Ты думаешь, мы не пасемся на чужих территориях?.. А тут еще все так зыбко... Корея-то вроде пока одна – так что кто им запретит?

– Тогда их хотя бы пугануть стоит! Ведь кого кусать вздумали? Победителей! – Бортник после выпитого был в ударе, и его тянуло на подвиги.

– Стрелять нам никак нельзя... – все так же неотрывно глядя в иллюминатор, как-то подавленно проговорил Козырев. – Мы сейчас должны думать лишь об одном – об операции. Нам доверили... На нас надеются... – он умолк.

Бортник угрюмо сопел. Он уже и сам понял, что спорол горячку. Но, может, хотя бы сообщить на землю о прецеденте?

– Товарищ Козырев! – обратился он к старшему. – Может, стоит подмогу вызвать?

Тот покачал головой.

– И этого нельзя делать. Опять же подозрение вызовем. Так что надо терпеть.

Однако летчики были настроены по-другому. Они велели всем, кто находился в машине, надеть кислородные маски и, чтобы уйти от американцев, попытались поднять самолет на предельную высоту. Однако истребители не отставали. Тогда пилоты принялись маневрировать, то и дело меняя высоту и направление полета. Но и это не помогло...

Глава третья

1

В отличие от товарища, Жаков наблюдал картину молча. Вот ведь как... Он-то думал, путешествие на родину станет для них легкой прогулкой, а оно вон как вышло! Впрочем, ему было не привыкать. Всю войну он только и делал, что рисковал собой. Как началось все под Сталинградом, так и не отпускало до конца. Их корпус постоянно бросали в прорыв – вот и доставалось. Не успевали людей хоронить.

Алексея тоже однажды только чудо спасло от смерти. Это случилось в январе сорок пятого в Курляндии, где тогда шли ожесточенные бои. Немец стоял насмерть. Раненый зверь он и есть раненый зверь. Ему ничего не остается, как зубами цепляться за жизнь.

Жаков, не любивший отсиживаться в тылу, и в этот раз не вылезал с передовой. То в атаку с пехотинцами сходит, то оборону с танкистами организует, а то и из пушки возьмется палить, выйдя на позиции какого-нибудь артдивизиона. Он ведь казак вольный – где пристанет, там и воюет. Оттого и наград была полная грудь. Это Жора Бортник был человеком опасливым. Он и Жакову говорил, чтобы тот не лез на рожон. Дескать, не наша то забота, наша – лазутчиков ловить да с агентурой работать. Но разве Алексей слушал его! Я, говорит, заговоренный, меня пуля не берет...

Но на этот раз ему не повезло. Знал бы, что так случится, может, и поостерегся бы, хотя вряд ли. Надо было знать его характер. Тогда в одной из танковых рот убило командира орудия – вот Жаков и решил его заменить. В ходе боя его танк оторвался от других машин и был окружен немцами. Ночью Алексей передал по радиации: «Я один. Машина застряла. Веду бой». На вторые сутки в роту вернулся раненый радист и рассказал, как сражался экипаж танка. Их было четверо: Жаков, механик-водитель танка, помощник механика-водителя и радист. В течение суток экипаж дрался с противником в глубине его обороны. Танк утюжил окопы неприятеля, давил тяжелыми гусеницами дзоты, пушки, минометы, автомашины. Преодолев первую и вторую линии траншей, машина попала под перекрестный огонь. Справа вели обстрел вражеские орудия, с фронта двигались неприятельские танки. Поставив свою машину в укрытие, экипаж поджег два немецких танка и бронетранспортер, а затем точными выстрелами разрушил два дзота. Но тут и ему досталось. Немецкий бронебойный снаряд прошел боковую броню и вывел танк из строя. В живых тогда остались двое – Жаков и радист. Его-то, этого радиста, и послал Алексей за помощью, потому как сам был тяжело ранен и не мог выбраться из машины.

Потом за ним пришли. Оставляя на снегу длинную кровавую полосу, его под покровом ночи поволокли к нашим позициям. Потом он попал к хирургу на стол. Глянув на его синюшное лицо, пощупав-потрогав и заглянув в его остекленевшие глаза, тот посчитал, что он уже мертв, и приказал отнести в сарай, приспособленный под мертвецкую. Так и пролежал Алексей всю ночь на морозе, а утром, когда команда санитаров пришла в сарай, чтобы похоронить убитых, кто-то из них услышал негромкий стон. Глянули, а там среди трупов живой офицер шевелится. Доложили хирургу, тот: на стол его! Так и спасли человека. Однако после этого у Жакова стала барахлить почка. Чуть непогода или простуда какая – тут же хватается за бок. Так и мучился до сих пор...

– Я же тебе говорил... говорил, чтобы ты себя берег. Нет ведь, не послушал меня! – выговаривал ему потом Бортник. – Хотя, – махнул он рукой, – горбатого только могила исправит...

Рейды в немецкий тыл тоже, казалось, были не его делом, но разве его можно было удерживать! Только услышит, что где-то формируют очередной спецотряд, – он тут как тут. Дескать, пошлите меня – не пожалеете. А начальству что? Коль не дорожишь собственной жизнью, иди.

Он и шел. А что ему? Он ведь круглый сирота – так что некому будет плакать. Разве что Нине сердце разорвет. Но она должна была понять его... Ведь он за нее мстил немцу, за все причиненные ей душевные и физические раны, в конце концов, за ту маленькую загубленную в ее утробе душу, которая по его, немца, вине никогда – никогда! – не увидит свет.

Впервые он попал к немцам в тыл, когда его корпус вел наступательные бои на харьковском направлении. Тогда отряд особого назначения СМЕРШ, которым командовал Жаков, только чудом уцелел. Их было двенадцать человек, большинство из которых – необстрелянные пацаны. Их наспех научили стрелять из винтовки, так что основную науку командир преподавал им в пути. И это стало для них лучшим университетом. Одно дело – на мирном полигоне показать ту же взрывчатку в действии, другое – подорвать полицейский участок или хранилище с горючим на немецком аэродроме. Да и стрелять приходилось по живым мишеням, а не по фанерным. Но, самое главное, парни научились ненавидеть врага. «Есть люди, а есть нелюди, – говорил им Жаков. – В людей стрелять нельзя – это грех, можно только в нелюдей. Этих надо убивать беспощадно. Иначе они убьют ваших жен и матерей. За этими нелюдями мы и охотимся».

Вроде незатейливая психология, но без нее никак. Ведь убить человека, пусть даже если он враг, непросто. Психика потом расстраивается настолько, что впору на стену лезть. Алексей на себе это испытал, поэтому понимал новичков. Вот и надо было вбить в их голову мысль, что они не людей убивают, а извергов. Потихоньку те освоились и их чувства притупились. Страшно, конечно, когда у человека теряется чувство жалости к себе подобным, но что было делать? Если не ты врага, то он тебя...

Правда, у немца уже не было той прыти, как в начале войны. Это он тогда пер, словно тот бешеный слон, сметая все на своем пути. И то была поистине психологическая драма. Бойцы, которые в свое время восприняли доктрину о войне на чужой территории, о войне малой кровью как должное, теперь не могли ничего понять. Как же так? Мы же «непобедимая и легендарная», отчего же нас так бьют? Вот и командиры, на которых они еще недавно молились, бегут вместе с ними, рядовыми, да так, что только пятки сверкают. Да и те, что в Кремле, притухли. Ну а что так вдруг? Или слабо что-то придумать?.. И-их! Болтуны вы, болтуны...

Но теперь время другое. После поражения под Сталинградом, после успешного наступления советских войск на Северном Кавказе, на Верхнем Дону, под Ленинградом, на курском и харьковском направлениях и в Донбассе немец явно сдал. Той спеси, которую он показывал вначале, уже не было, но на смену ей пришла отчаянная ярость. Вот он теперь и цеплялся за каждую пядь земли, норовя подороже продать свою жизнь.

В ту пору в тыл противника забрасывались многие десятки, а то и сотни диверсионных групп. Кто-то шел с конкретными заданиями, кто-то действовал по обстановке. Но задача была одна – вызвать у немцев панику, деморализовать их, заставить их пугаться собственной тени. Это была большая психологическая война, в которой участвовали кроме партизан созданные контрразведкой многочисленные отряды особого назначения. Им здорово доставалось. Потому из каждых десяти посланных в тыл противника разведывательно-диверсионных групп добрая половина не возвращалась назад. И это считалось вполне нормальным. Жаков помнит, что говорил им на совещании прибывший в ставку командующего фронтом большой начальник из Главного разведывательного управления. Дескать, даже если одна группа из ста уцелеет и выполнит задание, уже будет хорошо. Так что, мол, продолжайте в том же духе. «А люди? Как быть с людьми?» – спросили московского гостя. Тот пожал плечами. Война, говорит, все спешет...

Зная об этой политике, Жаков старался лишний раз не рисковать людьми. Притких и отчаянных останавливал, осторожных поощрял добрым словом и даже ставил их в пример. «Самая главная наша задача – это остаться живыми, – постоянно говорил он бойцам, уходящим вместе с ним на задание. – Понимаете? Живыми! Жизнь человеческая бесценна, и ее

нельзя сопоставлять с лишней взорванной немецкой цистерной с горючим». Иных бойцов это удивляло. Как же, мол, так, их ведь учили совсем другому – что жизнь ничто по сравнению с долгом. А в пример ставили того же Александра Матросова, Зою Космодемьянскую, летчика Гастелло – тех, кто был на слуху в армии. Жаков и сам восхищался героизмом этих людей, однако понимал, что для разведчика важна не столько отвага, сколько умение шевелить мозгами.

«С Гастелло, – говорил он своим бойцам, – все ясно: у него другого выхода не было, кроме как направить свой горящий самолет в колонну немецких бронемашин. А вот насчет Матросова я бы поспорил. Зачем было рисковать жизнью? Хороший командир должен был найти другое решение. Не было, говорите, других вариантов? Нет, братцы, в жизни всегда найдется правильный выход, надо только башкой думать. Грош цена такой победе, которая достигнута не за счет умения, а за счет бесчисленных человеческих жертв. Вы посмотрите, как немцы воюют... Они не прут на рожон, да и геройство особо не выказывают. Они головой воюют, ищут варианты, тщательно все выверяют... Как будто в шахматы играют. Вот и нам надо так... А что касается Зои Космодемьянской, то она настоящая героиня, только это геройство было излишним. Коль шли на задание, надо было к нему хорошенько подготовиться. Ведь для того, чтобы сжечь вражескую конюшню, тоже голова на плечах нужна».

По сути, Жаков говорил крамольные вещи, отчего так испуганно и смотрели на него бойцы. В общем, рисковал – народ-то разный... У него в корпусе тоже была своя обширная агентура. Чуть что – сразу к нему бегут.

Бортник не раз говорил ему, чтобы он поостерегся откровенничать с бойцами. Дескать, сам знаешь, что за это бывает. Ляпнешь что-то лишнее – вот тебе и трибунал. А там не посмотрят, что ты контрразведчик и что за твоими плечами славный боевой путь.

Конечно же Жаков все понимал, но продолжал действовать в том же духе. Он вообще меньше думал о себе, чем о людях. Достаточно вспомнить хотя бы то, как в августе сорок пятого он в нарушение всех инструкций и приказов позволил двум подозрительным дамочкам сесть в набитый красноармейцами вагон.

Это случилось на подъезде к Харбину, куда его, прошедшего с боями вместе с механизированным корпусом до маньчжурского города Гирина, срочно командировали для выполнения ответственного задания. Машины под рукой не нашлось, поэтому до места пришлось добираться с какой-то воинской частью из второго эшелона, которая, перейдя в районе приморской станции Краскино границу с Маньчжурией и погрузившись в эшелоны, отправилась по следам недавних боев.

Откуда тогда вынырнули эти две гражданочки, неизвестно, только они очень спешили, пытаясь догнать сбавивший на подъеме скорость армейский эшелон. Одна из них была пожилой женщиной, другая – миловидная молодая девица, видимо, ее компаньонка или родственница. Удивляло то, что обе были в цивильных, хотя и не новых, платьях и шляпках из нэпманских времен на голове. И это в стране, где все вокруг было сирое и убогое, где на сотни верст не встретишь ни одного европейского лица. «Неужто русские? – встреपнулись бойцы. – Но откуда они здесь? Не иначе эмигрантская сволочь...» Ну а те просят их взять с собой. Машут руками... Бегут и машут.

– Эй!.. Эй! Возьмите нас, возьмите...

Но в ответ – тишина. Бойцы сгрудились возле приоткрытых дверей теплушек и молча взирали на бедных женщин. А как иначе? Попробуй возьми их – потом греха не оберешься. А тут вдруг этот командированный особист выпрыгивает из вагона и бежит по заросшей желтыми саранками и голубыми колокольчиками насыпи. Схватив женщин за руки, потащил наверх.

– А ну-ка, братцы, помогите! – скомандовал он бойцам. Те нехотя втащили женщин в вагон.

Ну, дает капитан! Хотя – что ему! Это же контрразведка. А попробуй им то же самое проделать – тут же загребут. Знаем мы их, этих «смершевцев». Мягко стелют, да жестко спят.

Потом Алексей подружился с этими женщинами. Как оказалось, они были русскими эмигрантками. Та, что постарше, была женой покойного царского генерала Ольховского, другая – его дочерью. Жили в Харбине. Бедствовали так, что не приведи господи! Он бывал у них в гостях. При этом каждый раз приходил с гостинцами. То банку тушенки принесет, то булку хлеба, а когда и сахар в комках. Подкормить людей хотел, а то ведь посмотришь – одна кожа да кости.

2

Эти походы ему потом припомнят. На первом же совещании у начальника Особого отдела Управления контрразведки СМЕРШ Приморского военного округа в Харбине встанет вопрос о его личных контактах с белой эмиграцией. Пришлось объясняться. Дескать, черт возьми, а как вы еще прикажете работать с этой публикой? Да, мол, я могу их арестовать, но будет ли от этого прок? Не лучше ли их использовать в качестве агентов? Нам нужны свои информаторы, потому что без них мы никогда не узнаем, где прячутся те же головорезы из русской фашистской партии Родзаевского, которые с нашим приходом ушли в глубокое подполье, а заодно и бывшие белогвардейцы, работавшие на японцев...

Дело замяли. Однако Жаков по-прежнему продолжал навещать своих новых знакомых, которым представился обыкновенным танкистом. Знали бы они, с кем имеют дело, наверное, поостереглись бы, а тут полное доверие. Этим доверием Алексей, конечно, пользовался. Но не настолько, чтобы потом мучиться угрызениями совести. Да, ярых антисоветчиков, тех, что работали на японскую разведку, он арестовывал. Среди этих арестованных были и бывшие боевики знаменитой банды Полякова, которые в свое время собирали разведывательную информацию и устраивали диверсии в Приморье, в частности на Гродековской железнодорожной ветке, и «слушатели» курируемой японцами разведшколы в Синыцзине, и бывшие агенты второго, разведывательного, отдела Квантунской армии... Тех же эмигрантов, которые питали какие-то добрые чувства к Советской России и не участвовали ни в каких заговорах против своей бывшей родины, он не трогал. Будучи большим любителем поэзии, он посещал их литературные посиделки, музыкальные вечера, ходил в театр, где давала спектакли русская труппа. Особый отдел давил на него: дескать, мало арестовываешь – давай-ка поднажми! И не жалея подлецов – все они здесь одним миром мазаны. И главное, Дудин был сторонником этих жестких мер. А ведь он сам ему говорил когда-то, что враг не тот, кто живет и думает иначе, а тот, кто нам жить иначе не дает. Но вот и он туда же...

Вот в какие рамки его тогда поставили. Все-таки как-то удавалось крутиться. Нет, долгу своему не изменял, но и грех на душу старался не брать. Так и шел, держа, словно канатоходец, какое-то немыслимое равновесие, пытаясь не соскользнуть и не упасть с высоты. Это ему давалось с трудом, потому что кругом была стена из непонимания, постоянных подозрений, сплетен, наговоров, предательства, дури и страха...

...Но то будет потом, а тогда, летом сорок третьего, Алексею и его разведывательно-диверсионной группе было приказано совершить глубокий рейд во вражеский тыл и уничтожить ряд военных объектов.

Незадолго до этого тем же путем прошел небольшой партизанский отряд, который здорово наследил. Особого вреда немцам он не причинил, но шуму наделал много. Те и устроили на партизан охоту. Алексей мудро поступил, выставив головной дозор. Они, те двое парней, что шли впереди, и напоролись на немцев. Тут же Жаков дал команду к отступлению. Кто-то из бойцов предложил устроить круговую оборону, а он: нет – и все тут. Я, говорит, живыми и невредимыми должен вас доставить домой – кому-де вы мертвые нужны?

Долго гнался за ними немец, пока группе не удалось оторваться от него. Усталые и измученные, набрели они под вечер на какую-то небольшую деревушку, где на одном из заборов жалко и одиноко пел худющий бесцветный петушок – последнее, видимо, достояние этого разграбленного и опустошенного немцами живого уголка.

– Ой, боже ж ты мой! И куды ж це вас, соколки, несе? – выглянув из-за плетня, спросила их старая хохлушка. – Тут даже полицаи-ироды зверствуют... А якщо вони вас побачать?..

– А где они... эти полицаи? – насторожился Алексей.

– Так в полицейському виделку... Ви-ин он... – указывает она рукой на крепкий рубленый пятистенки, который на фоне здешних покрытых соломой мазанок выглядел настоящим княжеским теремом. Раньше в нем, скорее всего, находился местный сельсовет, но теперь с его крыши мочалом свисала красная тряпица со свастикой.

– И много их? – спросил Жаков.

– Богато! Ныни двоих хлопців повисили... Казав, що партизаны. Теперь вона святкують, горилку пьют, подлюки... Ой, звіри, ой, звіри! – сокрушенно произнесла она.

Тут же было принято решение уничтожить иуд. Все произошло так быстро, что полицаи, а их было с добрую дюжину, даже опомниться не успели. Убивать их сразу не стали – вначале велели снять обмундирование. Переодевшись в черные полицейские кители и бриджи, «смершевцы» вывели пленников из дома и открыли по ним огонь. Не успели они это сделать, как в конце улицы появились немцы. С десятков их сидело в кузове грузовичка, остальные двигались пешим строем.

– Спокойно! – заметив, как заметались бойцы, напуганные появлением фашистов, произнес Жаков. – Будем изображать из себя полицаев. И не дрейфить, понятно?

Они быстро сменили ППШ на немецкие «шмайсеры» и стали ждать. Бежать было бесполезно – прямо от села начинались бывшие колхозные поля, которые, заросшие сорняком, уныло простирались до горизонта.

Когда немцы поравнялись с переодетыми разведчиками, из кабины вылез офицер.

– Хайль Гитлер! – громко прокричал он и вскинул руку. В ответ недружное: хайль!

Это Жаков их научил. Так, на всякий случай. «Ну, погодите, мы вам еще этот “хайль” припомним», – подумал Алексей, сжимая в руках автомат.

Немец по-русски не говорил, он стал общаться через переводчика. А того трудно было понять. Переводить на немецкий он еще переводил, а вот в обратную сторону у него плохо получалось.

– Это есть партизан? – выслушав командира, перевел он, указывая на лежащих у забора полицаев.

– Так точно! – ответил Жаков. – Только что поймали – и в расход...

Переводчик его недопонял.

– Что есть расход? – спросил он.

– Кых-ких! – ткнув стволом автомата в сторону убитых, проговорил Алексей и улыбнулся.

– О, я, я... понимаю! – закивал тот и перевел сказанное командиру. Тот театрально похлопал в ладоши.

– Гут! – произнес он. – Отчень карашо... – И снова: – Гут!

Он что-то сказал солдатам, и те тут же принялись загружать кузов телами убитых. Потом они покинули село.

– Уф!.. – вытер рукавом вспотевший лоб Алексей. – На этот раз, кажется, пронесло... Жаль только ребят... – это он про тех дозорных, что попали под пули сидевших в засаде немцев. Парни угрюмо промолчали.

Они сели на завалинку бывшего сельсовета и коротко перекурили.

– Ну теперь пора!.. – произнес Жаков. – Будем возвращаться. Немцы не дураки – быстро все поймут... Тогда уж нам точно несдобровать. Сами видите: тут ни лесов, ни кустиков. Сплошная степь. Тогда куда прятаться?

И они ушли, оставив после себя густой дух махры вперемешку с запахами солдатского пота. Так в чужих ненавистных кителях и вернулись в часть.

Глава четвертая

1

Американцы, взяв бомбардировщик в тиски, продолжали играть у русских на нервах.

– Да что они, в самом деле! – злился Бортник. – Была б моя воля, я бы...

– А чем тебе не нравится такой эскорт? – с усмешкой произнес Жаков. – Разве не знаешь?

Так ведь только глав государств сопровождают!

Тот ухмыльнулся.

– Да нужны мне их эскорты! – говорит. – Тоже мне герои!.. Вот бы так на войне, но там этих американцев что-то не очень видно было...

Помолчали.

– Ой, не нравится мне все это, – неожиданно заявил Козырев. – После того как эти америкашки сбросили на японцев свои атомные бомбы, я уже ничему не удивлюсь.

– Это вы о чем? – не понял его Жора.

– О чем?.. А о том, что эти гады могут запросто открыть по нам огонь. Бандиты, они и есть бандиты!..

«Это точно, – мысленно согласился с ним Алексей. – Эти не пожалеют. Но зачем они их ведут? Или что-то прознали? Но откуда?..»

О том, что американцы не всегда испытывали братские чувства к союзникам, Жаков знал давно. Ему приходилось знакомиться с документами, которые наводили на грустные мысли: а друзья ли нам эти brave американские ребята? Может, это они только показывают вид, что хотят вместе с нами одолеть Гитлера? Ведь если бы они этого по-настоящему хотели, то, как говорится, не вставляли бы нам палки в колеса.

В самом деле, начавшиеся во второй половине 1944 года столкновения между советскими и американскими авиагруппами отнюдь не были следствием традиционной для любой войны неразберихи. Уже тогда Штаты считали весь европейский континент своей зоной влияния. Однажды командующий американскими ВВС Спаатс даже демонстративно отказался обсуждать с маршалом Жуковым порядок полетов над советской зоной, заявив, что для американской авиации, дескать, нет и не будет никаких ограничений.

Демонстрируя свое право летать где угодно, американское командование заодно проверяло русских, попросту говоря, «на вшивость», одновременно отрабатывая методы тотального воздушного террора, которые союзники собирались в будущем применять в различного рода межгосударственных конфликтах. Алексею было известно, что наряду с бессмысленным с военной точки зрения уничтожением жилых кварталов немецких и японских городов янки не менее свирепо бомбили Югославию. Начало воздушному геноциду положила «кровавая Пасха» 16 апреля 1944 года. В этот день целая авиадивизия тяжелых бомбардировщиков с характерным названием «Либереитор» («Освободитель») обрушила на югославские города тысячи бомб, от которых только в Белграде погибло более тысячи человек.

Ну а для первой атаки на Красную армию четыре десятка тяжелых американских истребителей «Лайтнинг» выбрали не менее символическую дату – 7 ноября 1944 года. В результате штурмового удара по штабу 6-го гвардейского стрелкового корпуса и аэродрома 866-го истребительного авиаполка у сербского города Ниш погибли командир корпуса Герой Советского Союза Григорий Котов и еще 30 человек. Кроме того, были уничтожены два наших самолета и сожжено полтора десятка автомобилей. Лишь когда взлетевшие советские истребители сбили несколько стервятников, остальные обратились в бегство. Что интересно, на карте, которую контрразведчики нашли среди обломков одного из сбитых «Лайтнингов», город Ниш был обо-

значен как воздушная цель, хотя американцы прекрасно знали, что в нем находятся советские войска. После этого официальной американской версии о потере курса уже мало кто верил.

Летавший над Германией заместитель командира 176-го гвардейского истребительного авиаполка 25-летний майор Кожедуб сталкивался с обнаглевшими «союзниками» дважды. Сначала 22 апреля 1945 года его машину атаковала пара американских истребителей типа «Мустанг», но вскоре им пришлось горько пожалеть о своей наглости. Не прошло и двух минут, как один из «Мустангов» разлетелся на куски, а пилот второго еле успел выпрыгнуть с парашютом.

Буквально через полчаса другая группа американских самолетов атаковала колонну советских войск, следовавшую через Ниш по шоссе. Их тоже удалось отогнать, но дел они натворить успели. В результате налета погиб командир стрелкового корпуса генерал Степанов. Его последние слова были: «Проклятые империалисты!»

– Товарищ Козырев... – вспомнив об этом, Жаков обратился к москвичу. – Как вы думаете, мы сможем в ближайшее время обзавестись собственной атомной бомбой? А то ведь Америка наглеть начинает. Чувствует, сволочь, свою неуязвимость.

– А еще союзниками называются! – проговорил Жора, глядя в иллюминатор, за которым пульсирует сигнальный маячок чужого истребителя. – Впрочем, мы им нужны были только до тех пор, пока не покончили с Гитлером. Они ж его как черт ладана боялись...

– Боялись... – подтвердил Козырев. – А что касается атомной бомбы... – мельком взглянув на Алексея, произнес он. – Будет бомба, будет... Не знаю когда, но она обязательно будет. Мы уже работаем в этом направлении.

«Поскорее бы уж, – подумал Жаков. – А то ведь можем и не успеть. Что-то уж больно сильно завозились эти янки. Наверно, увидали, что весь мир потянулся к нам, вот и испугались. Впрочем, им есть что терять. Это у нас в одном кармане – вошь на аркане, в другом – блоха на цепи».

Эти мысли не случайно возникли в его голове. Ладно бы одни газеты читал, где все чаще говорилось о начавшемся похолодании в отношениях с союзниками, а то ведь он на собственной шкуре все испытал. Это началось еще там, в Харбине, где он столкнулся с достаточно странными вещами. Ему-то казалось, что главной задачей советской контрразведки была борьба с японской агентурой, а тут вдруг выясняется, что среди всякого рода арестованных по подозрению в сотрудничестве с японцами были и те, кто работал против СССР на американскую разведку. Как? Откуда? Да не может этого быть!.. Ведь мы покуда союзники! Неужто это начало какой-то невидимой глазу тайной войны?

Впрочем, эта война никогда и не кончалась. Ведь Жакову еще на фронте приходилось иметь дело с американской разведкой. Вначале это удивляло, но потом пришлось привыкнуть. Алексей помнил, что сказал ему один заброшенный к ним в тыл американец. Дескать, война подходит к концу, теперь вы, а не японцы с немцами становитесь объектом нашего пристального внимания. Он тогда не обратил на это внимания – слишком много хлопот было с немецкими лазутчиками, а вот сейчас вдруг вспомнил...

Однако в Харбине то были еще цветочки – там американцы не шибко донимали, так что в основном приходилось иметь дело с японской агентурной сетью, которая в связи со скоротечной капитуляцией Квантунской армии тоже начала активно капитулировать. А вот в Корее все было гораздо сложнее. Там, в отличие от Китая, страна уже к концу войны была поделена на две зоны влияния. Север оккупировали советские войска, тогда как юг оказался под американцем. Тут же и началась война двух разведок.

Что ни говори, а американцы оказались в более выгодном положении, потому как после капитуляции Япония отдала свое предпочтение не Советскому Союзу, а Америке, и это несмотря на то, что та дважды подвергла ее атомной бомбардировке. Но, как говорится, пути Господни неисповедимы, оттого и творятся в мире порой всякие странные вещи. Быстро сори-

ентировавшись, агенты японской разведки начали работать на Си-Ай-Си, которая поставила перед собой задачу в короткие сроки наладить на севере мощную агентурную сеть. В основном то были корейцы, но случались и бывшие русские эмигранты, а то и пустившие здесь корни японские колонисты. В общем, поработав в Гензане с полмесяца, Алексей понял, что советской контрразведке придется нелегко в этой стране, которая была буквально наспигована всякого рода лазутчиками. Впрочем, и советская разведка не дремала, засылая на юг полуострова своих агентов. Так и шпионили друг за другом. Вначале это был обыкновенный сбор информации, но постепенно, в связи с ухудшающимися отношениями между двумя странами, борьба разведок стала приобретать все более жесткий характер. Так что уже скоро ни похищения людей, ни политические убийства, ни взрывы на промышленных предприятиях и железной дороге, прочих важных объектах северной части полуострова уже никого не удивляли.

В отличие от американцев, советской контрразведке в Корее приходилось начинать с нуля. До этого здесь не было своей широкой агентурной сети, хотя отдельные разведывательные операции на территории этой страны и до войны, и во время ее все же проводились. Когда Жаков прибыл в Гензан, ему доставили из Союза копии документов, хранившихся в архивах органов госбезопасности, которые помогли ему разобраться во многих вещах и наметить какие-то ориентиры в работе. Больше всего его заинтересовало дело некоего корейца Пак Чен Хи, который в свое время здорово потрепал нервы оперативникам из дальневосточных органов НКВД.

Все началось в мае 1939 года, когда после нападения японо-маньчжурских войск на монгольские пограничные заставы весь мир узнал о Халхин-Голе – небольшой речушке, на берегах которой и развернулись тогда главные события.

В те самые дни, когда советские войска, следуя союзному договору с Монголией, выбивали захватчиков с оккупированной ими территории, в Хабаровское управление НКВД от агента, работавшего на смежной территории, поступило донесение о том, что японская военная миссия (ЯВМ) готовит в маньчжурском городе Синьцзине человека для засылки на территорию СССР.

В одну из июньских ночей, когда инцидент на реке Халхин-Гол еще только набирал силу и Первая армейская группа советских войск, которой командовал в ту пору мало кому известный комкор Жуков, еще только готовилась нанести удар по частям Шестой японской армии, на таежном участке советской границы был задержан очередной нарушитель. Это был невысокого роста худощавый человек азиатской внешности, одетый в бедное крестьянское платье. Если бы он не назвался коммунистом и не потребовал, чтобы его отвели к «большому русскому начальнику» для важного разговора, можно было бы подумать, что это обыкновенный перебежчик, каких множество в ту пору переходило границу в поисках лучшей доли.

Просьбу его выполнили. Позже в беседе с сотрудниками НКВД он рассказал о том, что был послан коммунистической организацией для установления контактов с русской разведкой. Что организацией этой руководит некий товарищ Пак Джон Хи, который в будущем сам хочет прибыть в Союз по одному очень важному делу, но для этого ему нужно согласие русских властей.

«Уж не тот ли это самый человек из Синьцзиня, о котором докладывал агент с той стороны?» – глядя на перебежчика, вспомнили контрразведчики. Если так, то оставалось выяснить, что же задумали эти японцы, о хитрости и коварстве которых ходили легенды.

Связник Пак Чен Хи вернулся назад с доброй вестью – русские согласны принять маньчжурского товарища.

Через несколько дней на том же участке границы был задержан еще один посланец Пак Чен Хи. Тому дали задание выяснить, был ли их товарищ на русской территории и на самом ли деле их руководителя ждут здесь для переговоров. Его стали расспрашивать об организации.

Он сказал, что она большая и что руководит ею очень активный и уважаемый коммунист, который якобы недавно бежал из японской тюрьмы и теперь находится на нелегальном положении.

Этот связной, как и первый, вернулся назад с добрыми вестями. В это время советская разведка через свою агентуру в Корее и Маньчжурии попыталась выяснить о Пак Чен Хи и возглавляемой им подпольной коммунистической организации, однако тем так и не удалось этого сделать. Впрочем, иного результата никто и не ожидал, потому как с самого начала было ясно, что все это происки японцев.

Время шло. Потерпев поражение на Халхин-Голе, японцы притихли, однако тайная война разведок продолжалась.

В середине октября того же года, когда в воздухе закружил первый снежок, советскую границу перешли сразу три человека, назвавшиеся членами подпольной коммунистической организации Маньчжурии. Возглавлял группу заместитель Пак Чен Хи – товарищ Хван, как он назвал себя.

Выяснилось, что эти люди прибыли для того, чтобы договориться о возможной переброске на территорию Союза большой группы корейских коммунистов, – якобы для подготовки идеологических кадров, которых, по словам связников, так не хватает в Корее и Маньчжурии.

Хвана попросили поподробнее рассказать об их организации. Как и у его предшественников, у этого тоже складно совралось – будто бы с курка сорвалось. «Научились брехать, сучьи дети, ничего не скажешь! – подивились контрразведчики. – Ну давай, мол, ври дальше, а мы слушаем». Ну тот и врал...

– Организация наша очень, очень большая, – говорил Хван. – В основном это проверенные товарищи, за которыми охотится японская полиция и которые хотят бороться против японцев. А руководит нами старый коммунист Пак Чен Хи. Он долго сидел в японской тюрьме, откуда и бежал с помощью товарищей. Теперь он на нелегальном положении. Хочет поскорее попасть в Советский Союз для решения важных вопросов.

Добившись от советских товарищей согласия принять на учебу группу корейских коммунистов, Хван вернулся назад. Но, перед тем как уйти, он попросил оставить на советской территории двух сопровождавших его молодых парней. Знал бы, чем все это закончится, никогда бы этого не сделал. А то ведь с теми поговорили по душам – они во всем и сознались. Так что если раньше и оставались какие-то сомнения, то теперь они полностью рассеялись: японцы и в самом деле затеяли какую-то игру. Однако пока что было неясно, какова конечная цель всей этой, тут не было никаких сомнений, хитро задуманной операции.

2

Нервничали японцы... Захватив в 1931 году Северо-Восточный Китай, они попытались развить свой успех и продвинуться дальше. Однако это им давалось с трудом. Главным образом потому, что китайцы в своей борьбе опирались на всестороннюю поддержку Советского Союза. К началу Второй мировой войны количество убитых и раненых на японо-китайских фронтах достигло миллиона. Япония делала отчаянные попытки, чтобы завладеть инициативой, но все больше и больше увязала в трясине собственного безрассудства.

Нужно было что-то делать. Начинать войну против СССР было рано – прежде необходимо было создать плацдарм для броска, которым должен был стать повергнутый Китай. Оставалось единственное – тайная война, которая бы изнутри подорвала этого коммунистического исполина. Для этого могло сгодиться все, начиная с диверсий и кончая убийством политических лидеров. Нужен был хаос, в котором бы Союз погряз, как в трясине.

Но японское правительство пугало и другое – расползающаяся по планете, словно чума, красная опасность, которая могла уничтожить мировую цивилизацию. И опять же эта угроза

исходила от Советского Союза. Поэтому в перспективе войны было не избежать. Вот уже и ось для противостояния коммунистической заразе была создана, которую называли Рим – Берлин – Токио. Союзники готовились к войне против СССР, но прежде нужно было ослабить этого монстра. И этому должно было послужить создание в короткие сроки на территории Союза мощной диверсионной базы. Той самой, которая смогла бы парализовать тылы русских на случай войны. Это и было на тот момент главной задачей в военно-оперативной работе японской армии. Не случайно реализацией этого плана занялась самая дерзкая и активная организация Японии – Общество Черного Дракона, членами которого были многие руководители японского фашистского движения, в том числе и его родоначальник Тояма.

Операция под кодовым названием «Голова самурая» была частью той операции, в задачу которой входило парализовать тылы русских и создать хотя бы для начала в Сибири и на Дальнем Востоке красной России хаос.

Название это было выбрано не случайно. Когда старый японофил кореец Пак Чен Хи на секретном совещании в Токио, где присутствовали многие влиятельные люди Японии, предложил свой план по переброске корейских диверсантов на территорию СССР и его спросили, каким способом он намерен осуществить этот переход, тот ответил: их много. Один из них – явиться к большевикам с отрубленными головами японских офицеров...

Эти слова заставили японцев содрогнуться, однако на что не пойдешь ради достижения высокой цели...

Своей резиденцией старый лис Пак Чен Хи избрал древний маньчжурский город Чаньчунь, переименованный с легкой руки японцев в Синьцзин, что в переводе означает Новая столица, где поселился последний цинский император Пу И.

Историю жизни Пак Чен Хи можно было бы назвать героической, если бы не одно «но»: все, что он делал, он делал не во благо своего народа, а ради собственных амбиций. Он любил богатство и власть и очень хотел стать правителем корейской империи. При этом Япония для него, как и для многих светлых умов Кореи, в своей борьбе с феодализмом черпавших поддержку в заинтересованных японских кругах, была образцом для подражания.

К началу Второй мировой войны он уже был глубоко пожилым человеком, однако продолжал мечтать о славе и деньгах. Это был могучий старик с густой белой бородой и умным проницательным взглядом, который редко носил национальную одежду, – чаще его можно было видеть в цивильном европейском платье. Родился он в одном из горных сел Северной Кореи, где в ту пору отбывал ссылку знаменитый террорист У Бем Шен, который был настолько яркой фигурой, что за ним тянулась молодежь. Среди этих молодых был и Пак Чен Хи, оставшийся до конца верным идеям своего учителя-японофила.

Отбыв ссылку, У Бем Шен, взяв с собой несколько преданных ему молодых людей, вернулся в столицу Кореи Сеул и снова принялся за старое. В ночь с седьмого на восьмое октября 1895 года, выполняя авантюрный план главного организатора заговора против корейской королевы Мин японского посла в Сеуле, У Бем Шен с сообщниками устроил резню в королевском дворце. В результате королева, эта ярая сторонница сближения Кореи с Россией, была убита. Труп ее облили бензином и сожгли. Прошло три года, и уже новую террористическую группу, попытавшуюся расправиться с преемником убитой королевы Мин королем Ко Чжоня, возглавил молодой Пак Чен Хи. Эта попытка им не удалась, зато главного заговорщика заприметили в Японии.

Во время русско-японской войны, развязанной Страной восходящего солнца, стремившейся завладеть территориями Северо-Восточного Китая и Кореи, где находились русские протектораты, Пак становится резидентом японской разведки. Его агенты под видом торговцев разъезжали с обозами в местах дислокации русских войск и собирали информацию. После победы японцев он сделал многое для того, чтобы Корея превратилась в японскую колонию.

Работая на японцев, Пак не забывал и про себя. К началу Второй мировой войны он был уже богатым человеком, владельцем горнопромышленных предприятий в Маньчжурии. Но этого для него было мало – хотелось власти. Он мечтал о создании на территории Восточной Сибири и Приморья корейского государства по типу Маньчжоу-Го. Но для этого нужна была победоносная война против СССР. Впрочем, подготовка к ней уже велась. Вот и старому разведчику Паку японцы предложили вспомнить молодость и поработать на них. Главное, что от него требовалось, – это создать на территории противника шпионско-диверсионную базу. Пак принял предложение, но взамен попросил, чтобы после войны японцы осуществили его давнюю мечту, создав на захваченной советской территории новое корейское государство. Так вот и родилась идея провести операцию под кодовым названием «Голова самурая».

Людей для заброски на советскую территорию готовили в Синьцзине. Разведывательно-диверсионная школа находилась в большом особняке, окруженном глухим забором. Обитателей этого дома никто из соседей никогда не видел, потому как они выходили из укрытия только ночью. Посетив рестораны и публичные дома, эти люди также под покровом ночи возвращались назад, чтобы, проснувшись утром, продолжить постигать премудрости шпионско-диверсионной науки, которую преподавали им опытные разведчики из местной организации ЯВМ, стоявшие на довольствии в Квантунской армии. Их учили стрельбе из разных типов оружия, радио- и фотоделу, обращению со взрывчаткой, приемам тайнописи, знакомили по макетам и плакатам с советской военной техникой... Работали с ними и всякого рода политические деятели и идеологи. Так, сам Пак Чен Хи читал им лекции по истории Японии и Кореи, а индеец Наиру проповедовал модную в ту пору в Японии теорию паназиаизма, призывающую к объединению под эгидой японцев всех «желтых народов» для жестокой борьбы против американцев и европейцев, в том числе против русских.

В синьцзинской школе прошли обучение более полусотни человек, в основном молодых корейцев. В большинстве это были сломленные в японских застенках люди, которых только страх заставил работать на чужую разведку. Бывшие коммунисты, комсомольцы, просто патриоты своей родины... И лишь незначительную часть курсантов составляли убежденные японофилы, готовые посвятить свою жизнь строительству Великой Азии от восточных морей до Урала. Эти были надежнее, однако у первых было преимущество в том, что у них было какое-никакое революционное прошлое, которое должно было дезориентировать русских чекистов. Тех и других приучали к мысли, что даже в случае их разоблачения органами НКВД они должны оставаться японскими агентами и, отбыв сроки наказания, продолжать разведывательно-диверсионную деятельность. И еще: чтобы, не дай Бог, курсанты не пришли в себя и не взбунтовались, посчитав свою деятельность мерзкой и недостойной патриотов, им внушали мысль о том, что это всего лишь маскировка, что на самом деле они служат не японцам, а борются за независимость Кореи. Будучи прекрасным психологом, Пак Чен Хи даже специально для этого создал свою собственную партию Синхындон, что в переводе означает «Вновь возрождающийся Восток», в которую предложил вступить всем курсантам. В спешном порядке отделения этой партии были созданы по всей Маньчжурии, члены которых были потенциальными кандидатами для заброски на территорию СССР. Партия существовала на средства японской разведки и была хорошо законспирирована. В дальнейшем отделения Синхындона занимались разведывательной и диверсионной деятельностью на территории советского Дальнего Востока.

Создав разведшколу, а следом и свою партию с отделениями по всей территории Маньчжоу-Го, Пак Чен Хи стал искать каналы, по которым можно было бы осуществлять переброску на советскую территорию своих людей. Для этого его агенты разбрелись по всей границе, пытаясь найти лазейку. К этому делу подключали завербованных граждан из приграничных селений. Денег не жалели – лишь бы был результат. Однако дело шло туго – советская граница хорошо охранялась. Пытались подкупать пограничников – не прошло. Тогда люди Пака вышли

на маньчжурских партизан, у которых, по сведениям японской разведки, были тесные связи с СССР. Но и здесь им не повезло. Почувствовав неладное, партизаны сменили дислокацию. Попытались завербовать сотрудников одного из посольств, находившихся в Синьцзине, у которых была возможность бывать в красной России. Та же история...

Не помогли господину Паку и его агенты в окружении лидера Гоминьдана Цзян Цзе-ши, возглавившего в 1927 году Китай после поражения национальной революции и продолжавшего отстаивать в борьбе с японцами интересы своей страны. То же самое произошло, когда агенты Пака попытались действовать через коммунистов китайских провинций, где у власти были революционеры. Контакты установить с ними смогли, но дальше этого дело не пошло.

Японцы, а вместе с ними и старый лис Пак Чен Хи были в отчаянии. Денег на подкуп людей было потрачено много, но результат, по сути, оставался нулевым. Это то же самое, если бы ты вырастил волка, а тот вдруг взял да сбежал в тайгу. Что ни говори, а поставить цель и достичь ее – это вещи совершенно разные. Можно всю жизнь идти к своей мечте, но так и не добравшись до нее...

А тем временем японские войска стягивались к монгольской границе – назревал очередной инцидент, который мог обернуться войной с СССР. Нужно было срочно создавать диверсионную базу на его территории, перебрасывать туда людей, задача которых – войти в доверие советских органов с тем, чтобы собирать разведывательную информацию, а в случае открытия военных действий вести борьбу против Красной армии с помощью диверсий и террора.

Наконец Паку повезло: русские пошли на то, чтобы на своей территории организовать идеологическую учебу для своих «корейских товарищей». И вот уже первые партии перебежчиков устремились через советскую границу. Для них был приготовлен большой дом на станции Океанской, что под Владивостоком. Место живописное. Сюда, на берег Амурского залива, летом приезжали тысячи отдыхающих со всего Дальнего Востока. Это были семьи военных и сотрудников НКВД, советские служащие, стахановцы, учителя, врачи, молодежь... И среди этого социального разноцветья жестоким напоминанием о близкой войне стала школа для японских диверсантов, которые называли себя маньчжурскими коммунистами. Однако вряд ли бы кто из этих расплавленных солнцем и предающихся неге советских граждан мог предположить, что прямо у них под боком разместились столь опасные и коварные люди, прибывшие из-за границы только для того, чтобы нести смерть их семьям.

«Слушателям» идеологических курсов были созданы идеальные условия для занятий и отдыха. Кормили их тоже неплохо – для этого даже повара корейского нашли, чтобы тот готовил им национальные блюда. Все это не прошло даром. Уже скоро гостей было не узнать. Они стали более разговорчивыми, более общительными, с них спало то напряжение, которое чувствовалось вначале. Почувяв эти перемены, контрразведчики решили, что настал момент, когда с корейцами можно поговорить начистоту. Беседу вели с каждым отдельно. После этого сделали анализ, сопоставили рассказы гостей с тем, что оперативникам было известно от своих агентов в Маньчжоу-Го, – так и вырисовалась вся картина. Теперь они знали, что среди гостей есть как опытные разведчики, так и те, кто принудительно вошел в команду господина Пака или кого он завлек туда обманом.

Теперь все козыри были в руках чекистов. Они даже знали, с какой целью японцы затеяли свою игру. Оставалось обезглавить организацию. Конечно же ключевой фигурой здесь являлся Пак Чен Хи. Но это был тертый калач. Всю жизнь он работал на японскую разведку и ни разу не попадал в руки противника. Значит, чекистам нужно было сыграть свою роль так достоверно, чтобы даже этот дошлый старик Станиславский, будь он жив, мог воскликнуть: «Верю!» То есть решить ту самую сверхзадачу, которая бы привела если и не к бурным историческим аплодисментам, то, во всяком случае, к естественному и закономерному финалу...

Глава пятая

1

Когда переводчик Алексея Ли Ден Чер (его Жакову порекомендовали в городской управе как большого друга Советского Союза) однажды за дружеским ужином в ресторане, куда Алексей с Ниной пригласили его, поведал ему о том, что человек, которого они недавно наняли садовником, – член партии Синхындон, он насторожился. Ведь ему уже было известно, что эту партию когда-то создал один из лучших японских разведчиков Пак Чен Хи и что синхындовцы во время наступления советских войск на Корейском полуострове отчаянно сражались на стороне Квантунской армии.

– А ну-ка, расскажи мне про этого садовника да поподробнее, – попросил он помощника. Тот виновато посмотрел на него.

– Моя, товарища, плохо знай его... Знай только, что он Синхындон...

– Жаль, – вздохнул Жаков и, подумав о чем-то, произнес: – Запомни, Ли: то, о чем ты мне сейчас рассказал, никто не должен знать. Ты понял меня?

– Моя все поняла, капитана, – прошептал заговорщицки Ли.

Подходила к концу первая неделя пребывания Жакова в Гензане, куда его назначили заместителем военного коменданта города с особыми полномочиями представителя контрразведки фронта.

Алексею не пришлось участвовать в освобождении этого города – нужно было завершить кое-какие дела в Харбине. Так что прибыл он сюда уже после того, как власть в Гензане, впрочем, как и на всем севере полуострова, взяли в свои руки народные революционные комитеты.

Скоротечной была эта война с Японией. Объявленная 8 августа 1945 года, она продлилась всего двадцать четыре дня. При этом уже с 19 августа японские войска повсеместно приступили к выполнению требований о капитуляции. Старые фронтовики удивлялись: вот, мол, как, а мы-то думали, что японец и в самом деле силен. Что ж мы тогда все эти годы боялись самураев?

Но это уже была бравада победителей. На самом деле почти полуторамиллионная хорошо вооруженная Квантунская армия представляла большую опасность для Советского Союза. Напади она в сорок первом, когда немец, захватив инициативу, пер и пер на Москву, еще неизвестно, чем бы все закончилось. Ведь для того, чтобы отстоять столицу, Верховному командованию пришлось снять несколько дивизий с дальневосточных рубежей и перебросить их под Москву. Только так и удалось одержать первую победу.

А японцы просто опоздали. Можно даже сказать, прозевали свой шанс. Памятуя о своих недавних поражениях в районе реки Халхин-Гол и у озера Хасан, они, видимо, посчитали, что пока не готовы к войне с русскими, и стали ждать развития событий. Это во многом и позволило последним успешно решить стратегические задачи на западе. А после разгрома немцев под Сталинградом картина и вовсе изменилась. Теперь уже русские войска завладели инициативой, которую так и не отдали до конца. И тут японцы прижали хвосты. Впрочем, провокации с их стороны, которые начались еще до войны и которые порой оборачивались настоящими военными действиями, так и продолжались. Мало того что японцы представляли большую угрозу для Союза, они еще угрожали дружественной ему Монголии, от оккупантов страдали народы Китая, Кореи, других стран. Это и заставило русских объявить Японии войну.

Подготовка к этой войне началась сразу после разгрома фашистской Германии. В течение нескольких последующих месяцев русские сосредоточили на границе с Маньчжурией огромные силы, которые и по числу штыков, и по количеству боевой техники значительно превос-

ходили противника. Для ведения войны с японцами было создано три фронта – два Дальневосточных и Забайкальский. Кроме того, большие надежды были возложены на корабли Тихоокеанского флота и на военно-воздушные силы. Таким образом, уже в первые часы войны Квантунская армия была атакована на суше, с воздуха и моря на всем огромном пятитысячекилометровом фронте. Внезапность мощных первоначальных ударов позволила советским войскам сразу же захватить инициативу. В правительстве Японии успехи русских вызвали панику. Не случайно уже в первый день войны японскому премьер-министру Судзуки ничего не оставалось, как заявить следующее: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны».

Перейдя в составе 1-го Дальневосточного фронта границу с Маньчжурией, механизированный корпус, в рядах которого находились супруги Жаковы, устремился в глубь оккупированной японцами территории. Вот уже за спиной остались освобожденные от врага Муданьцзян, Ванцин, Гири... Отсюда, из Гирина, Алексей вместе с группой офицеров СМЕРШ был направлен для ведения оперативной работы в Харбин – этот бывший советский город, который в 1935 году под нажимом японских оккупационных властей был передан вместе с построенной русскими в начале двадцатого века Китайско-Восточной железной дорогой марионеточному правительству Маньчжоу-Го.

Жакову повезло: по его настоятельной просьбе Нине разрешили выехать к нему в Харбин.

Усталой, исхудавшей предстала она тогда перед мужем. «Бедная ты моя, бедная...» – увидев ее, с горечью подумал Алексей. И то: чуть отдохнула, чуть посвежела после этих долгих четырех лет войны – и снова бои, снова бессонные ночи – и операции, операции...

О Гензане, куда им было суждено отправиться после Харбина, Нина уже кое-что знала со слов хорошо разбирающихся в географии бойцов.

– Там море, – с улыбкой говорила она мужу, когда они, уносимые ветрами истории, тряслись по разбитым дорогам Маньчжурии на стареньком «виллисе», подаренном Алексею одним шустрячком-интендантом. – Тихое такое, теплое... Если повезет, сможем и искупаться в нем...

– Конечно, искупаемся! И не раз... – левой рукой крутя баранку, а правой прижимая жену к себе, сказал он.

Они задыхались от счастья. Как же – вместе! Им даже трудно было припомнить, когда им приходилось испытывать подобные чувства. Наверное, это было еще до войны. Но с тех пор, кажется, прошла целая вечность! Думали, в Харбине им повезет, там им удастся побыть вдвоем – куда там! Алексей сутками порой не приходил домой. Аресты в городе следовали за арестами, и нужно было разбираться, кто там из этих арестованных шпион, кто диверсант, а кто просто случайно попавшийся под руку гражданин. Можно было бы, конечно, плюнуть на все, как это делал Жора Бортник, и жить себе в удовольствие. Ну что там со всяким отребьем разбираться? Коль арестовали – значит, за дело. Но Жакову совесть не позволяла пойти на это. Не дай бог, невинная голова ляжет на плаху – потом ведь Алексей до конца жизни себе этого не простит. Вот он и пытался добраться до истины, вот и сидел по ночам в прокуренном кабинете, то допрашивая арестованных, то копаясь в каких-то бумагах. Коль требовалось, мог прямо среди ночи поднять своих помощников и тоже заставить их работать. Дел свалилось на голову много, так что какой там отдых!

Жора подтрунивал над ним: «Тебе что, больше всех надо? Да брось ты, мол, ерундой заниматься – пора о себе подумать».

– Нина!.. А ты-то что смотришь? – порой, когда выпадала свободная минута и Бортники (теперь и они были вместе после того, как капитан по примеру Алексея тоже выхлопотал командировку для своей гражданской жены, которая тут же и примчалась к нему в Харбин) с Жаковыми собирались вместе, чтобы посидеть за столом, спрашивал Жора. – А ну-ка заставь его вовремя приходить домой...

Но разве она его заставит? Да и надо ли? Человек дело делает – зачем ему мешать?

Впрочем, ей было не привыкать. Алексей и до войны был вечно занятым человеком. Однажды она спросила его, почему он так редко бывает дома, так тот прямо сказал: «Такая у нас работа, милая. Понимаешь – мы страну от врагов охраняем...» После этого она уже больше никогда не спрашивала его ни о чем. Если Алексей считал нужным, он сам посвящал жену в какие-то детали. Так, незадолго до войны, когда в их промышленный город, напичканный секретными военными заводами, толпами повалили всякого рода лазутчики, он сказал ей, чтобы она немедленно уезжала. И чем дальше, тем лучше. Можешь, мол, завербоваться на тот же Север... Она удивилась: зачем? И вообще, разве я могу куда-то от тебя уехать? А он: да ты пойми – вот-вот начнется война, и тебя как врача тут же мобилизуют. А там неизвестно еще, что будет. Немцы очень сильны, так что много кровушки прольется. Поэтому я и боюсь за тебя...

Как он тогда ни пытался ее убедить, она никуда не уехала. А вскоре и в самом деле началась война, и Нину мобилизовали. Пока Алексей забрасывал начальство рапортами с просьбой отправить его на фронт, на ее счету уже были две контузии и одно тяжелое осколочное ранение. Особенно ей досталось под Москвой, где она служила в полковом лазарете. Немец тогда так жал, что не приведи господи... За несколько месяцев боев он перемолол в своих жерновах сотни тысяч русских солдат. Так что к концу битвы в полку почти не осталось ни одного человека из тех, что начинали войну. Раза два, а то и три пришлось обновлять состав. Нина тогда только чудом осталась жива. Красный крест на белом полотнище не смущал немецких летчиков, и они сыпали сверху на санитарные палатки свои тяжелые бомбы. А бывало, что и из пушек били по ним прямой наводкой, и из пулеметов обстреливали, и гранатами забрасывали. А куда убежишь, если на твоём операционном столе раненый стонет?..

Здесь ей тоже досталось. Вначале-то все вроде шло гладко. Ранним утром 9 августа бомбардировочная авиация 1-го Дальневосточного фронта нанесла удары по железнодорожным узлам и военным объектам Харбина, Чанчуня, Гирина, портам Юки, Расин и Сейсин. На этом фронте в час ночи одновременно перешли государственную границу и внезапно атаковали укрепленные районы японцев тридцать передовых батальонов. В густой непроглядной тьме, под дождем они стремительно блокировали и уничтожили гарнизоны долговременных сооружений и к утру овладели передовыми позициями врага. После этого в наступление двинулись главные силы фронта.

Механизированный корпус Жаковых, перейдя границу в районе поселка Гродеково, что на юге Приморья, вел наступление на Муданьцзянском направлении. Взломав полосу вражеских укреплений, 5-я армия, в составе которой действовал мехкорпус, еще недавно штурмовавший восточно-пруссские рубежи, неожиданно наткнулась на мощный укрепрайон японцев, отчего за первые сутки боев смогла продвинуться лишь на двадцать километров.

Чего только стоил один Волынский узел сопротивления! Недалеко от границы горбилась высота «Верблюд», подступы к которой были прикрыты болотами и речушками. Здесь японцы создали настоящий неприступный бастион. Они опоясали гору эскарпами и противотанковыми рвами, окружили ее шестью рядами проволочных заграждений на металлических кольях, оборудовали на ней десятки огневых точек, среди которых были огромные доты – ансамбли, врезы в скалу и с флангов защищенные пятнадцатиметровой толщиной гранита, откуда могли вести огонь противотанковые и противопехотные орудия. Толщина железобетонных стен этих дотов достигала полутора метров, а амбразуры закрывались броневыми щитами. И все это – бронированные колпаки НП, доты, дзоты – соединялось несколькими ярусами траншей и подземных галерей, выдолбленных в камне и облицованных железобетоном. Чтобы взять эту высоту, потребовались огромные усилия. А это новые жертвы, новая кровь. И снова Нина при деле, снова она штопает раненых, снова борется за их жизнь. Поеть было некогда – уже за первые сутки боев она исхудала так, что на нее было жалко смотреть.

2

А ведь «Верблюд» был не единственным в японской обороне. На пути наступающей армии то и дело встречались укрепленные рубежи. Бывало, на каждом километре находилось до десятка долговременных сооружений, и все их надо было брать с боем. Часто сразу это не удавалось, и тогда находились бойцы, которые в пылу атаки забывали, что у них всего одна жизнь, и повторяли подвиг рядового Матросова, закрывая своим телом амбразуру дота. Такие подвиги кого-то восхищали, но только не умных командиров, которые стремились добыть победу малой кровью. Вот и появилась тогда на свет новая тактика взлома, казалось бы, неприступных позиций противника, когда на начальных стадиях наступления стали обходиться без «бога войны». Мысль была в общем-то правильная: даже при всем старании никакой артиллерии не удастся полностью уничтожить огневые точки японцев, потому что они тут же начнут бить по пехоте, как только она двинется вперед. Надо, стало быть, начинать наступление ночью, при этом стараться ничем не обнаружить себя.

Таким вот образом и была взята высота «Верблюд», и не только она... Нет, без жертв не обошлось, но их было бы значительно больше, примени генералы обычную тактику.

Нина, колдуя в санитарной палатке над первыми ранеными, не знала, что ее муж только чудом не попал на операционный стол. Впрочем, это в лучшем случае, а в худшем... Да что тут говорить! Ведь он тогда находился в самой гуще событий. Там, где закладывалось будущее этой войны, где решались первоначальные стратегические задачи фронта.

Бесшумно сняв пограничные заставы, передовые отряды, в одном из которых действовал Алексей, под прикрытием темной ненастной ночи незаметно зашли противнику в тыл и, блокировав его опорные точки, стали взрывать доты. Вслед за штурмовыми группами в наступление пошли танки, самоходки, артиллерия... На рассвете они обрушили на гранитные горбы «Верблюда» всю силу огня своих орудий. По высоте били тяжелые самоходные установки, ее сокрушали прямой наводкой полковые пушки, отчего бетон и сталь разлетались вдребезги. Содом и Гоморра! Апокалипсис локального масштаба...

Тяжелым был бой и за станцию Пограничная, который продолжался всю ночь. Японцы стреляли с чердаков, крыш, из окон. Штурмовые группы, одной из которых командовал Жаков, несмотря на шквальный огонь противника, сумели к утру десятого августа сломить его сопротивление.

А перед тем не менее ожесточенное сопротивление советские передовые отряды встретили на участке железной дороги от границы до станции Пограничная, где имелись три тоннеля, входы в которые были защищены железобетонными укреплениями. Дело решили саперы-штурмовики. Преодолев минное поле, они обошли укрепления с тыла и взорвали пять самых мощных дотов. Выход из тоннелей просматривался врагом сверху, с укрепленных сопок. За работу взялись пушкари, которым помогали корректировщики. В гористой местности, где сильно пересеченный рельеф не позволял зачастую видеть свои взрывы, это было особенно необходимо.

Передовой стрелковый батальон захватил все три тоннеля, после чего ключи к железнодорожной магистрали оказались у русских в руках. Утром командующий 5-й армией генерал Крылов ввел главные силы – началось широкомасштабное наступление. Прокладывая пути колоннам техники и одновременно ломая сопротивление противника, соединения и части двигались вперед. Напуганные таким напором японцы никак не могли поверить, что через эту дикую тайгу, сплошь заваленную буреломами, где не было ни дорог, ни троп, кто-то сможет пройти. Но произошло чудо: эту задачу решила огромная хорошо вооруженная армия.

Особенно трудно было подниматься на Восточно-Маньчжурские горы, где каждый шаг стоил огромных усилий, где каждый метр брался с боем. Вербевки резали плечи солдат, соль

выступала на гимнастерках. Ноги скользили в грязи. А дождь, сильный и нахрапистый, в этот августовский день беспрерывно, безжалостно, свирепо молотил по спинам людей. Грозно шумела тайга, на пути наступавших огнем ошетинились дзоты. Танки, следуя за саперами в сопровождении автоматчиков, прокладывали путь пехоте. А когда они застревали, пехота приходила им на помощь. Чтобы обескровить, напугать, ошеломить врага, с воздуха действия армии прикрывала истребительная авиация. Наступавшим приходилось постоянно преодолевать препятствия, штурмовать огневые точки в железобетонных сооружениях или на труднодоступных скальных, таежных и болотистых участках, уничтожать засады японских смертников, которых было пруд пруди. Квантунская армия жила по самурайским законам, а те, как известно, никогда не сдаются живыми. Многие японские младшие командиры зачастую даже отказывались выполнять приказы своих генералов, склонявших их к капитуляции. Во многих дотах и дзотах находились прикованные к орудиям люди, которые по собственной воле или по воле своих начальников были обречены драться до последнего.

Все это время Нина была рядом с передовой. Медики не успевали тогда разбивать санитарные палатки. Только устроятся – тут же команда: собрать все шмотье и бегом за наступающими войсками.

Где-то впереди был ее Леша, действовавший в составе штурмовой группы. Эти группы тогда создавались стихийно для того, чтобы проделывать бреши в японских УРах. Обычно они состояли из отделения саперов, взвода стрелков, отделения противотанковых ружей, взвода противотанковых орудий, одного-двух танков или самоходно-артиллерийских установок, взвода минометчиков и одного-двух ранцевых огнеметов. Эти группы были хорошо оснащены, в их составе были опытные бойцы, еще недавно громившие фашистов. Это давало им возможность успешно проводить разведывательные операции, блокирование и быстрое разрушение долговременных огневых сооружений противника, что обеспечивало быстрое продвижение советских войск, несмотря на упорное сопротивление врага.

О, эти нескончаемые бои, когда шагу нельзя было ступить, чтобы не напороться на японцев. Только возьмут один укрепрайон – так следующий уже впереди маячит. А дождь все льет, и нет ему конца и края. И грязь кругом, и непроходимая тайга. Поскорее бы все это кончилось! Поскорее...

Очень тяжелыми были бои за Муданьцзян. Этот город, находившийся на пути выхода главных сил фронта в Центральную Маньчжурию, оказался, что называется, крепким орешком. Крупный узел железных и шоссейных дорог, административно-политический центр объединенной провинции Дуньман, он одновременно являлся мощным узлом сопротивления, прикрывавшим Харбинское направление. Здесь, на оборонительных рубежах по рекам Мулинхэ и Муданьцзян, японское командование, стремясь не допустить прорыва советских войск к центральным городам Маньчжурии – Харбину и Гирину, сосредоточило крупные силы – 5-ю армию в составе пяти пехотных дивизий, усиленных артиллерией, и два больших отряда смертников. Подступы к Муданьцзяну прикрывали многочисленные долговременные железобетонные сооружения, насыщенные пулеметами и орудиями различных калибров.

В течение 13 и 14 августа противник усилил на Муданьцзянском направлении свои контрудары и, активно применяя минно-взрывные заграждения, приводившиеся в действие смертниками, пытался задержать наступление советских войск.

Было опасение, что бои за город примут затяжной характер и замедлят наступление ударной группировки войск 1-го Дальневосточного фронта. С выходом в этот район передовых частей Забайкальского фронта произошла перегруппировка сил, и начался бой за Муданьцзян. Первым в прорыв был введен 10-й механизированный корпус, бывший в составе забайкальцев. Советские танкисты сломили сопротивление японцев к юго-востоку от этого города, чем воспользовались стрелковые части, бросившиеся в наступление. Эта тактика танковых таранов, обходов, охватов, окружения опорных пунктов была теперь в ходу. На том же Муданьцзянском

направлении танки то и дело таранили оборону противника, расчищая дорогу пехоте и артиллерии. Разгромив один японский опорный пункт, они вместе с десантом пехоты устремлялись к другому. Жакову не раз приходилось участвовать в таких рейдах. Пока танки крушили редуты, десантники, действуя на флангах и в тылу японцев, деморализовали неприятеля, вынуждая его отступить.

С Муданьцзяном вышло не все так просто. Собрав группировку в составе четырех пехотных дивизий, а также охранных, строительных и железнодорожных частей, враг нанес сильный контрудар. Ему удалось оттеснить передовые части русских, но брошенные им на помощь свежие силы выровняли положение. Ожесточенно обороняясь, японцы вновь и вновь переходили в контратаки, и только 16 августа, после шестидневных упорных сражений, Муданьцзян пал. Было много убитых и раненых с обеих сторон, так что работы для военного хирурга капитана Нины Жаковой и ее коллег хватало.

Чего только она не насмотрелась тогда! Что касается убитых и раненых – это дело обычное, но ведь приходилось видеть и нечто другое. Да, фашисты были те еще звери, но, как оказалось, им было далеко до японцев. Не раз случалось, что они учиняли кровавые расправы над попавшими в их руки ранеными русскими бойцами.

Однажды в санбат, где служила Жакова, привезли истерзанное тело солдата.

– Кто это его так? – ахнула Нина. Многое она повидала на своем коротком веку, но такого еще не приходилось. У парнишки была отрублена одна нога, выколоты глаза, на правом боку была вырезана звезда, разорваны ноздри, содрана кожа с черепа, обожжена нижняя часть туловища...

Оказалось, во время штурма одной из высоток японцам удалось отбить первую атаку русских, которые не успели унести с поля боя раненых. Так и попал тот мальчишка в руки озверевших в своем отчаянии японцев. И когда во время следующей атаки бойцам удалось взять высоту, они обнаружили возле одного из дотов изуродованное тело своего товарища.

Позже Жаковой еще не раз приходилось сталкиваться с подобными вещами. Изуродованные солдатские тела стали делом обычным. Это была месть слабых сильным, знак безнадежности и безысходности. А попросту – неслыханная звериная жестокость.

– Варвары... Какие же они варвары! – принимая все это близко к сердцу, постоянно говорила Нина. – Да как же земля-то держит таких?

А тут новое известие. Когда советские войска дрались за Хоэрмоцзиньский узел сопротивления, под покровом темноты японцы проникли в расположение одной из санитарных рот и зверски замучили врача и двух медсестричек. Изверги вывернули им руки и ноги, изрезали их ножами и искололи штыками. Узнав об этом, Жаков примчался к Нине в санбат. Увидев ее живой и невредимой, вздохнул.

– Будь осторожна, – сказал он ей. – Ведь ты – все, что у меня есть на этом свете...

...А наступление советских войск продолжалось. С каждым днем противник все больше и больше терял силы. Ошеломленные таким напором русских, японцы порой чувствовали себя, словно потерявшиеся в лесу грибники, внезапно столкнувшиеся нос к носу с медведем. Разве они могли предположить, что кто-то сможет взять все эти неприступные с виду УРы? Жили не тужили, зная наперед, что до них никто не доберется, а тут на тебе...

События разворачивались так быстро, что время не поспевало за ними. Сами же бойцы не успевали запоминать названия освобожденных ими населенных пунктов. Муданьцзян, Ванцин, Гириин... Что там еще? Да разве все вспомнишь!..

Однако японцы продолжали сопротивляться. На иных рубежах противник не сдавался до тех пор, пока не кончались патроны или в живых не оставалось ни одного солдата. Было много смертников, которые, будучи накрепко прикованы к орудиям, показывали образцы сумасшедшего фанатизма и преданности своему долгу. Бежали редко – сражались до последнего. Даже выдавших виды русских бойцов эти обреченные на смерть люди поражали своей стойкостью

и дерзостью. Но что могло тогда остановить этот огненный смерч? Нет, не было такой силы, которая бы сдержала натиск этих обреченных на вечную славу людей, освободивших Европу от фашистов и теперь добивавших остатки тех, кто развязал Вторую мировую. И мчались танки, вспарывая воздух рокотом дизелей, и давили гусеницами все, что попадалось на их пути – орудия, бронемашины, людей, – оставляя после себя груды искореженного металла и сотни трупов чужих солдат.

Но были потери и среди русских. Санитары не успевали уносить с поля боя раненых. Убитых жалели. Как же так, всю войну прошли, а тут вдруг...

По улицам освобожденных городов потянулись колонны пленных. Их отводили в поля и размещали в спецлагерях, которые разбивали прямо под открытым небом. Основную часть пленных потом в «телячьих вагонах» и в трюмах сухогрузов отправляли в Союз на принудительные работы. Тем же, кому не выпала дальняя дорога, пришлось еще долго восстанавливать разрушенные войной китайские и корейские города и селения...

Глава шестая

1

...Жаков не стал спешить с арестом садовника. Вначале решил присмотреться к нему, понять, чем он дышит, выявить его связи.

– Капитана, зря ты так! – укорял его Ли. – Это плохой человек, очень плохой... Бойся его, бойся! Он и жену твою не пожалеет.

Мысль о Нине заставила Жакова вздрогнуть. «Пусть только посмеет! – сжал он кулаки. – Однако надо срочно выяснить все об этом человеке. Завтра же поговорю с товарищами из городского комитета Трудовой партии Кореи: может, у них есть какая-то информация о нем?»

А Ли не унимался: арестуй, капитана, садовника – и все тут! «А может, и впрямь арестовать? Но что я ему предъявлю? – думал Алексей. – То, что он состоит в партии, которую создал злейший враг Советского Союза? Так ведь он может сказать, что давно уже вышел из нее... Более того, что попал туда по ошибке или недомыслию. Нет, надо все же понаблюдать за ним», – решил капитан. Одна беда – людей у него нет. Спасибо местным патриотам, согласившимся составить костяк городского отдела народной милиции и службы государственной безопасности – к ним и приходится обращаться всякий раз за помощью. А то ведь одному Жакову не справиться с ситуацией. Вот ведь что получается: задачу-то ему поставили сложную – выявлять врагов народного режима, а в помощь никого не дали. Оставили только одного ординарца Васю Гончарука, но он же не оперативник.

– Ничего, – успокоил его тот, – мы и вдвоем все сможем...

С Васькой они с сорок третьего года. Тот готов был идти за ним и в огонь и в воду. Здоровяк, каких мало. Раньше Алексей только слышал о том, что кто-то подковы гнет да двухпудовой гирей крестится, и вот увидел все своими собственными глазами. И не только это – видел, как этот бугай кочергу в узел завязывает, а потом вновь развязывает ее. «Я, – говорит, – всю жизнь мечтал помериться силами с Иваном Поддубным, но теперь поздно – тот старым стал, какой из него уже борец?». Он уверял, что до войны специально в своем родном Донецке в цирк ходил, чтобы побороться с именитыми русскими силачами, и всякий раз побеждал их. Его не раз в труппу приглашали, но он отказывался. «А кто, – спрашивал, – за меня под землю полезет? Кто уголек будет стране давать?»

Он и стрелял хорошо. При этом обладал завидной реакцией. Однажды, а было это под Калачом, когда их бригада замкнула кольцо окружения армии Паулюса, они на трофейном «опель-капитане» заехали в одну деревню. Та лежала в руинах, и только один домишко пыхтел в небо трубой. А была зима – видно, какой-то крестьянин печку затопил. Открыли дверь, глядь, а там полон дом немцев. Сидят, шнапс пьют. Увидели русских – и за оружие. Тут-то их всех и положил Вася из ППШ. Другой бы растерялся, а этот нет.

Был еще случай, когда он снова спас Жакова. Они тогда ходили на задание в тыл врага – необходимо было установить связь с партизанами и получить списки предателей, которые работали на немцев, чтобы в будущем по горячим следам произвести их аресты. Оставив отряд в лесу, Алексей лично захотел осмотреть дом, который стоял на опушке и где должна была произойти встреча с руководителями одного из белорусских партизанских отрядов. Дом был крепкий, двухэтажный. Раньше в нем лесник жил. Но теперь стоял сиротой – будто бы вымерли все или разбежались. Тихо, и только слышно, как аист, птица перелетная, копошится в гнезде. Весна, брачное место себе готовит.

Хорошо, что он взял с собой тогда Гончарука, а то еще неизвестно, чем бы все закончилось. Думали, в доме никого нет, а когда вошли – тут и попали в ловушку. То была засада,

которую устроили им немцы с полициями. Как они узнали о встрече – неизвестно, но подготовились к ней хорошо. Арестовав прибывших к намеченному сроку представителей партизанского отряда, они стали дожидаться разведчиков. Вася и теперь не дрогнул: вначале кулачищем своим пудовым зубы им пересчитал, а после и очередью полоснул. Потом еще раз и еще...

– Интересно, долго бы он у меня сопротивлялся, если б мы вдруг схватились с ним? – указывая в открытое окно на садовника, с блаженной улыбкой кота, наблюдавшего за мышью, проговорил Гончарук.

Кван Пен Сон – так звали садовника – выглядел внушительно. Толстая, словно у быка, шея, энергичный взгляд, бойцовская осанка. Такого на испуг не возьмешь. Прижмет так, что мало не покажется. Вот у Васи и зачесались руки.

Усевшись по-азиатски за низеньким столиком на циновки, они за обе щеки уплетали куриный суп-лапшу. Суп, как говорится, с пылу-жару – его Нина только что приготовила. Любимое блюдо Алексея, который как однажды попробовал его у будущей тещи, так и любил на всю жизнь. Теперь чуть что: Нина, вари суп-лапшу. В войну-то редко когда приходилось побыть вместе – то бой, то еще что, – а вот теперь сошлись в семейном тепле. Алексей специально ездил отпрашивать жену у начальника санбата майора Личмана. Санбат-то на другой стороне полуострова развернули, так что бывать там Алексею было несподручно. А тут Нина под боком. Мало того что это чертовски приятно, так ведь он теперь еще и спокоен за нее. Теперь уже не надо думать, что там да как.

Все было хорошо до тех пор, пока Ли не намекнул ему о том, что человек, который работал у них в саду, был членом партии Синхындон. Надо было срочно проверить этого Квана. В здешней тюрьме находились люди, арестованные по подозрению в сотрудничестве с японской разведкой, так вот, может, они что-то расскажут о нем?

Чтобы больше узнать о партии Синхындон и той роли, которую она играла в борьбе против Страны Советов, Алексей запросил о ней дополнительные сведения из Хабаровского управления НКВД вместе со списками всех ее членов.

Внимательно изучая присланные ему документы, Жаков постоянно задавал себе вопросы, ответы на которые он не нашел в бумагах. Во-первых, он никак не мог понять, что толкало порой корейцев идти на контакт с японской разведкой. Деньги? А может, страх за собственную жизнь? Не ненависть же, в конце концов, к русским, которые всю жизнь только и делали, что защищали их от японцев. Жаков хорошо знал историю, и поэтому ему не составляло труда проводить какие-то параллели с прошлым. Он знал, сколько крови было пролито русскими солдатами и моряками, защищавшими эту землю во время русско-японской войны. Какие там были интересы у царского правительства, неизвестно, известно лишь то, что русские пытались воспрепятствовать оккупации Японией Корейского полуострова. И от этого факта никуда не уйти. Так почему же?..

Впрочем, эти вопросы русские теперь могут задавать себе постоянно. А почему болгары, за которых они проливали кровь, воюя с турками, предали их и вступили в коалицию с фашистской Германией? Почему предали румыны и прочие бывшие братушки?.. Ведь это же неслыханно! предавать тех, кто на протяжении всей истории спасал твою родину от врагов...

Нет, в целом Корея не встала на сторону Японии. Народ сопротивлялся, многие годы страдая от оккупантов, которые уничтожили, замучили в полицейских застенках, вывезли на чужбину тысячи и тысячи корейцев. Разве можно после этого любить захватчиков? «Это только отдельные выродки, – думал Жаков, – способны равнодушно наблюдать за действиями палачей, более того, помогать им в их кровавых делах».

Пак и все члены Синхындона были, по мнению Алексея, именно такими выродками. Иначе как назвать людей, которые из кожи лезли, чтобы выслужиться перед японцами?

Взять ту же операцию «Голова самурая». Ведь идея провести ее созрела не в недрах японской разведки, ее придумал кореец. Жестокий, хитрый, коварный.

2

Поначалу все шло у Пака хорошо. Его люди десятками переходили границу и концентрировались на советской территории. Недалек был тот день, когда они разбредутся по всему русскому Дальнему Востоку и начнут действовать.

Но пока они «учились» в спецшколе на Океанской тому, как в условиях подполья вести революционную борьбу. И неведомо было Паку, что в это самое время советская разведка ведет кропотливую работу по перевербовке его людей и подготовке решительного удара по организации корейских террористов. Потихоньку контрразведчикам удалось выяснить, кто из курсантов-«стажеров» есть кто. Большинство из этих людей, как и предполагалось, никогда не были коммунистами, но зато активно сотрудничали с различными японскими организациями. Нашлись даже те, кого японская полиция ранее засылала в уездные комитеты корейской компартии в качестве провокаторов. Стало ясно, что именно эти люди и являются ядром организации, созданной господином Паком, его надеждой и главным орудием в тайной борьбе против русских. Что созданная им в Сеуле компартия Кореи, вся эта «искренняя» ненависть к японцам, национально-освободительная борьба есть не что иное, как хорошо разыгрываемый спектакль.

Но одно дело – держать под контролем деятельность Синхындон, другое – обезглавить эту организацию и уничтожить ее. Необходимо было выманить господина Пака с территории Маньчжоу-Го. А тот и сам через своих связных выражал желание побывать в СССР и даже встретиться с руководителями красной России. Однако, будучи человеком осторожным, он постоянно оттягивал этот момент. Чтобы не вызвать у него подозрения, чекисты не стали настаивать. Передавали ему приветы, снабжали политической литературой – в общем, пытались усыпить его бдительность.

В августе 1939 года Пак вроде бы решился. Но опять же выказал свою осторожность, предложив провести встречу с советскими представителями где-нибудь в Америке или Японии. Мотивировал он это тем, что постоянно находится под наблюдением жандармов, из-за чего переход его через границу невозможен. Русские были согласны и на такой вариант. Это успокоило Пака. Испугавшись, что дальнейшее затягивание вопроса может насторожить русских, он решил рискнуть. Но перед тем послал выяснить обстановку своего самого проверенного и опытного человека. Чекисты встретили посланца по традиции хлебом-солью, отвезли его на дачу под Владивостоком и дали возможность встретиться с корейскими курсантами со станции Океанской. Тот остался доволен беседой с ними. Вернувшись в Синьцзян, он подробно рассказал патрону обо всем, что увидел. И тогда Пак принял окончательное решение отправиться в Союз. 7 июля 1940 года начальник штаба Квантунской армии Иимура дал прощальный обед в честь самого опытного резидента японской разведки в Маньчжурии.

Получив от японцев соответствующие документы на право выхода на территорию СССР, Пак с верными ему людьми, в числе которых был его личный телохранитель, переводчик и человек, не раз переходивший границу, поездом из Синьцзина добрались до Дунина, после чего пересели в роскошный лимузин, предоставленный разведчикам Дунинской военной миссией.

Пак заметно нервничал, однако проводник успокоил его: дескать, вам всю жизнь везло – повезет и на этот раз.

Пак возлагал большие надежды на эту поездку. Первым делом он конечно же попытается заручиться полным доверием со стороны советских властей, что даст ему и его людям возможность подготовить базу для шпионской деятельности, террора и диверсий на территории советского Дальнего Востока и Восточной Сибири. А еще он хотел своими глазами увидеть, как проходит «учеба» его людей в Приморье. Хотел прощупать их, узнать настроение,

дать конкретные задания по сбору разведывательной информации, добиться того, чтобы часть курсантов осталась на территории Советского Союза, якобы для того, чтобы получить дополнительные навыки, которые им пригодятся после освобождения родины от оккупантов, при строительстве народного Корейского государства, а на самом деле для выполнения секретных заданий.

В сумерках они прибыли на жандармский погранпост. Там переоделись в простые крестьянские одежды и на рассвете следующего дня с котомками за плечами перешли границу. Пограничникам представились как корейские коммунисты и попросили, чтобы те связались с контрразведчиками.

Перед чекистами Пак предстал таким могучим седобородым стариком. Ну, прямо вещий образ из легенды. Горделивая осанка, умный, пронизывающий взгляд из-под толстых желтых век, растянутые в улыбке бледные старческие губы... Руки большие, однако холеные – совершенно не крестьянские. Вот ты каков, господин Пак Чен Хи!.. Впрочем, таким тебя и описывали твои люди. Да, легендарная личность, ничего не скажешь. Однако все. Длившаяся почти два года охота за одним из главных японских резидентов в Маньчжурии окончена.

И все же это только полдела. На территории Маньчжурии и Кореи оставались сотни людей, которые, окончив в Синьцзине возглавляемую Паком школу, работали теперь на японскую разведку. А это тоже потенциальные враги, обладающие навыком шпионской и диверсионной деятельности.

Пака и прибывших с ним лиц контрразведчики трогать до поры не стали – они нужны им были для приманки. А те времени зря не тратили. Особенно Пак, которому нужно было торопиться, – ему японцы дали всего месяц на все про все. А он еще должен в Москву съездить, чтобы встретиться с советскими руководителями и обсудить кое-какие важные вопросы. В Москву он попадет, но несколько позже, когда оттуда поступит команда арестовать Пака вместе со всеми «слушателями» школы.

Главные мероприятия по выманиванию оставшихся членов Синхындона начались в ходе расследования деятельности синьцзинской шпионско-диверсионной организации, когда одному из ближайших помощников Пака было переправлено письмо, в котором патрон сообщал о том, что курсы со станции Океанской в скором времени переведут в один из западных городов красной России, в связи с чем необходимо срочно переправить на советскую территорию большую группу надежных людей из числа бывших курсантов разведшколы. Его просьбу выполнили, и вскоре еще несколько десятков воспитанников Пака во главе с ближайшими его соратниками оказались на советской территории.

Но и тогда игра не закончилась. Японцев еще долго водили за нос, передавая им «липовую» информацию, так что те думали, что на территории СССР действует настоящий националистический центр, созданный Пак Чен Хи. По просьбе руководителей этого центра японцы засылали на советскую территорию своих опытных агентов, которые потом бесследно исчезали. Однако только в середине сорок пятого года японцы поняли, что их план провален.

Для Пак Чен Хи его арест вылился в настоящую трагедию. Попад в тюрьму, он решил, что его карьера разведчика окончена, и покончил жизнь самоубийством. Многих его агентов судили. Генералы Итагаки и Доихара, вместе с Паком разрабатывавшие операцию «Голова самурая», были после войны приговорены к смертной казни.

«Да, история!» – ознакомившись с документами, покачал головой Жаков. Особенно его заинтересовала информация о том, что далеко не все члены Синхындона, а вместе с ними и бывшие выпускники синьцзинской разведшколы были арестованы в ходе операции по разгрому секретной организации господина Пака. Не случайно из Главного управления госбезопасности НКВД СССР во все особые отделы соединений, находившиеся на освобожденных территориях Кореи и Китая, были разосланы шифрограммы с требованием в ходе оперативной

работы в первую очередь выявлять лиц, в предвоенные годы прошедших подготовку в разведывательно-диверсионной школе города Синьцзиня.

Глава седьмая

1

По приезде в Гензан Жаковы поселились в небольшом особнячке, расположенном в квартале, где жила зажиточная часть горожан – бывшие чиновники, купцы, промышленники, владельцы недвижимости, биржевые дельцы, адвокаты, доктора, ведущие частную практику. Здесь же находились дома, ранее принадлежавшие японским колонистам. С уютными чистыми дворами, асфальтированными дорожками, ухоженными фруктовыми садами и беседками для отдыха.

Небольшого полета интеллигенция, всякая мастеровая и мелкая торговая публика ютилась в бедных кварталах с невероятно узкими улочками, образованными длинными рядами прилепившихся друг к другу глинобитных лачуг, из дверей которых и днем и ночью исходил дух острых приправ. Тут же были харчевни с красными бумажными фонариками у входа, небольшие мастерские, лавчонки, где продавались японские и корейские товары и продукты.

Был здесь и деловой квартал, не такой, как, скажем, токийский Маруноути, но все же. Там находились несколько кирпичных административных зданий, два банка, несколько больших магазинов, бывшая японская и корейская школы, биржа, бывший японский госпиталь и еще что-то в этом роде.

Особнячок, который местная власть предоставила Жаковым, ранее принадлежал какому-то сбежавшему колонисту. Он был построен в традиционном японском стиле и выглядел достаточно просто – широкая крыша, опирающаяся на каркас из деревянных стропил и опор, в нем ни окон, ни дверей, ибо в каждой комнате три стены из четырех можно было в любой момент раздвинуть, а в теплый летний день и вовсе снять. Все эти створки-каркасы, которые японцы называют седзи, были сделаны из тонких бамбуковых реек наподобие решеток и служили наружными стенами. Промежутки между рейками были оклеены плотной белой рисовой бумагой и частично обиты деревом. Тонкие раздвижные перегородки – фусума, – что делили внутренние помещения и одновременно служили дверями, были также оклеены бумагой и расписаны драконами, экзотическими деревьями с ветвями-змеями и хитроумно сплетенными корнями.

Когда Жаковы впервые вошли в этот дом, их поразило то, что в нем отсутствовала мебель. Там не было ни шкафов для одежды, ни книжных полок, ни дивана, ни кресел... И стульев не было, и буфета с посудой... Да что там – не было даже кровати. Вместо громоздких шкафов – встроенные с раздвижными дверями, повторяющими фактуру стен. Вместо стульев – подушки. Вместо основательного обеденного стола – низенький столик с перламутровой инкрустацией. Диваны же и кровати заменяли футоны – матрасы, наполненные прессованным хлопком, которые японцы после пробуждения убирают в специальные ниши в стенах или во встроенные шкафы, освобождая пространство для жизни.

«Довольно скромно», – подумал Жаков, поочередно разглядывая то обнаженное дерево опор и стропил, то потолок из выструганных досок, то решетчатые переплеты, рисовая бумага которых мягко рассеивала пробивающийся снаружи свет. Под ногами (Нина буквально заставила мужа снять обувь, предварительно подав ему пример) слегка пружинили татами – жесткие, пальца в три толщиной маты из простеганных соломенных циновок. Пол, составленный из этих золотистых прямоугольников, был совершенно пуст. Пусты были и стены. Нигде никаких украшений, за исключением ниши, где висел свиток с каким-то изображением – какэмоно, – под которым стояла фарфоровая ваза с цветами.

Такое было впечатление, что это не настоящий дом, а некие декорации для самурайского фильма, воссоздающие атмосферу Средневековья. Подобные Жаковым доводилось видеть в харбинских кинотеатрах.

Таким же традиционно для японцев скромным выглядел и небольшой дворик подле дома с цветником, а также сад с вырытым посередине него прудом, которые достались супругам по наследству.

Что и говорить, за четыре столетия до того, как Корбюзье впервые заговорил о минимуме пространства, необходимого для жизни человека, такая мера уже прочно вошла в обиход строителей японских жилищ. Ведь те же татами есть не что иное, как наименьшая площадь, на которой взрослый человек может сидеть, работать, отдыхать и спать. Говорят, что именно жизнь на татами привела к миниатюризации изобразительного искусства, так как японец привык любоваться картиной, сидя на полу. Даже правители Японии издревле предпочитали обходиться без тронов, восседая на подушках, положенных на татами. Татами – это как бы основа японского образа жизни. Едва коснувшись этой золотистой циновки, едва вдохнув ее своеобразный запах, люди инстинктивно перевоплощаются. Позы, жесты, слова – все это само собой наполняется духом традиционной Японии.

– Тебе нравится? – спросила Нина мужа. Он пожал плечами. И то: ни стола тебе, ни кровати... А где они будут обедать? В конце концов, на чем они будут спать?

– А мне нравится, – сказала она. – Я где-то читала, что японцы предпочитают минимализм. В их стиле ничто не перегружает внимание. Они очень ценят пространство, поэтому используют минимальное количество мебели.

– Ну и бог с ними! – поморщился Алексей. – А я все равно велю Васе добыть для нас обеденный стол и кровать. Ну и стулья, конечно. Зачем нам уподобляться этим япошкам? Это они пусть чай на своих циновках распивают. А русскому человеку без стула или табуретки, на худой конец без деревянной лавки, никуда. Как и без койки.

– И еще: японцы буквально помешаны на чистоте и гигиене, – будто бы не услышав его, говорит Нина. – Они у входа в помещение ставят специальные тапочки. Поэтому и грязи с пылью у них в комнатах почти не бывает. Надеюсь, и ты теперь не будешь топтать в своих сапожниках по дому. А то знаю я тебя... Учти, дом-то чужой... – она снова улыбнулась.

Жаков ничего не ответил на это – только буркнул что-то себе под нос. Он-то уже успел побывать у соседей, у того же доктора, что живет от них неподалеку. У того дом был полная чаша: и мебель была, и украшения в доме всякие. Шкатулки, миниатюры-нэцке, куклы из дерева, бронзовые статуэтки, свитки с иероглифами, карликовые деревья – бонсаи, икебаны, вазы, светильники, изящный фарфор. Дошлый! Это он о корейце. За годы оккупации этот человек так и не смог впитать в себя японскую умеренность и непритязательность – ему подавай европейский комфорт. Впрочем, что касается украшений, сам Жаков никогда не был на них падок. Это, мол, женщины любят всякие безделушки. А вот без мебели и он никуда...

...Место, где располагался особняк, было высокое, и оттуда хорошо было видно море. Оно всегда было разное. То тихое и ласковое, а то вдруг менялось на глазах и становилось буйным и недобрым. Во время штиля чайки стаями садились на воду и потом мирно и сонно покачивались на ленивых лазурных волнах. Однако стоило только подуть сильному ветру, как они тут же взмывали вверх и потом с отчаянными криками долго носились над ревущим морем, то ли жалуясь кому-то на свою переменчивую судьбу, то ли, напротив, задыхаясь от восторга стихии.

В ясные дни отсюда, с высоты, хорошо просматривался горизонт. Бывало, появится какая-то маленькая точка вдали, а утром эта точка вдруг превратится в корабль, который, зайдя в акваторию залива, встанет неподалеку на рейде или же пришвартуется к стенке причала в порту.

Жаковы любили порой постоять на высоком берегу и полюбоваться морем. Хорошо-то как! С моря тянет свежестью просторов, навевая мысли о доме. Скоро, скоро они уедут отсюда – нужно только немного потерпеть. Трудно, невыносимо трудно, однако терпели четыре года – и тут потерпят. Сожмут волю в кулак – и будут ждать... Главное, что они вместе. Живые, пусть и надломленные войной и не по годам повзрослевшие.

В эти края зима приходит поздно, поэтому в сентябре еще по-летнему тепло. Однако что-то уже говорило о том, что наступает осень. Воздух становился прозрачным и насыщенным запахами спелых фруктов. Сады тут кругом – оттого и запахи эти. Медвяные, хмельные. Надышишься всем этим – голова закружится.

Целый день на море суета. Снуют вдоль берега небольшие купеческие пароходики с грузом, гуляют по волнам рыболовецкие баркасы – одни отправляются на промысел, другие возвращаются с рыбой. Тут же, вспарывая волны, носятся советские военные катера, охраняя от лазутчиков береговую полосу. Приходят сухогрузы, другой транспорт. И чем дальше, тем все больше появляется этих кораблей. Везут продукты для корейцев, технику, горюче-смазочные материалы... А то и пассажирский кораблик появится и доставит пассажиров. Это русские специалисты. Кто-то из них будет восстанавливать разрушенное войной здешнее хозяйство, кто-то преподавать науки, кто-то врачевать. «Пошла жизнь, пошла, – с улыбкой думал Алексей. – Так и должно быть. Не вечно же быть войне. Люди ведь созданы для счастья, а не для беды».

Заметив, что капитан и его жена любят бывать на свежем воздухе, Ли Ден Чер однажды привел с собой строителей и те за один присест построили им беседку. Точно такие же – замысловатые, выполненные в восточном стиле и окрашенные в яркие цвета – были в местном парке, куда по вечерам приходили горожане. Там были буфеты, кафе, танцевальная площадка. А кроме всего прочего, аттракционы, которые остались от японцев: несколько качелей-лодочек, расписная карусель, «комната смеха» и тир.

Жаковы были благодарны Ли Ден Черу за заботу. Теперь, когда выпадала свободная минута, они шли в свою новую пахнущую свежей краской беседку, чтобы отдохнуть после трудового дня. Здесь они пили чай, который приносил им в красивых трофейных фарфоровых чашечках с блюдцами нанятый ими повар (его привел переводчик Ли, заявив, что это проверенный человек), любовались заходом солнца, читали, бывало, даже вслух, книжки. Книг у них было немного, так что иные из них пришлось перечитывать по несколько раз.

Большинство из этих книг они привезли из Харбина. Частью приобрели на рынке, но в основном это были подарки эмигрантов, с которыми они водили знакомство. Большинство из них были очень милыми и образованными людьми, которым по разным причинам после Гражданской войны пришлось оставить родину. Например, солидные в дорогом переплете фолианты Лермонтова и Некрасова подарили Алексею Ольховские – Мария Федоровна и Женечка, с которыми он часто делился своим офицерским пайком. Они бы еще больше прониклись к нему уважением, если бы вдруг узнали, что только благодаря участию Жакова им удалось остаться на свободе. И это несмотря на строгий приказ сверху вести крайне жесткую политику по отношению к «бывшим».

Надо сказать, Ольховские были людьми неназойливыми и скромными в своих желаниях, но случалось, не зная другого пути, они обращались к Алексею, чтобы тот посодействовал в освобождении из-под ареста того или иного своего знакомого. И он шел им навстречу. Конечно, все это было не так просто. Прежде ему приходилось тщательным образом изучать биографии этих людей, чтобы, не дай бог, не выпустить на свободу какого-нибудь негодяя... Одного из таких все-таки пришлось оставить под арестом, потому как, по агентурным сведениям, он являлся членом Русской фашистской партии, которая сотрудничала с японцами.

Созданная на японские деньги Русская фашистская партия (РФП) занималась в Маньчжурии не только идеологической и пропагандистской работой – из ее членов японцы вербо-

вали агентов, которых потом забрасывали на территорию СССР с разведывательными и диверсионными заданиями.

Арестованный оказался бывшим заместителем редактора русской фашистской газеты в Харбине, типография которой размещалась на первом этаже двухэтажного здания, что на Китайской улице. Жаков позже специально ходил туда – хотел своими глазами увидеть это логово фашистской пропаганды, которое некогда частенько навещал сам вождь РФП Родзаевский.

По словам тех, кто знал Родзаевского, личность то была малопрятная и малозначительная. По характеру – трус, интриган, эгоист. В 1925 году он бежал из Советского Союза и поселился в Харбине, где поступил в местный университет, из которого, по слухам, его однажды чуть было не выгнали за то, что он подделал подписи преподавателей в зачетной книжке. Дело уладили японцы. Именно тогда они и обратили на него внимание: человек, способный на нечестный поступок, – прекрасная находка для разведчиков. А этот еще и деньги любил, кроме того, был крайне амбициозен. Однажды, решив разбогатеть, Родзаевский со своим собутыльником Василенко устроил лотерею, которая закончилась громким скандалом. И снова на помощь пришли японцы. Скорее всего, именно они и подбросили ему идею создать русскую фашистскую организацию, где главной приманкой для людей, оставшихся без родины, служила бы мысль о возвращении в Россию, а еще этот русский патриотизм, который сидит в каждом из нас.

Русскую фашистскую партию Родзаевский создал вместе с приятелями Василенко и Дудукаловым. Они установили связь с фашистами Европы и Америки, завязали дружбу с чинами японской разведки. Их конечной целью было освобождение России от коммунистов и образование русской фашистской республики.

Нельзя сказать, что Родзаевский был бездарным человеком. Обладая широким кругозором, а главное – даром красноречия и умением увлечь людей своими идеями, он быстро приобрел себе сторонников среди тех, кто мечтал вернуться в Россию на белом коне. Интриги, сплетни, доносы, соперничество – вот та атмосфера, которая царила в организации русских фашистов, где японская разведка вербовала себе кадры.

– Неужели вы не понимали, что фашизм – это зло? – спрашивал на допросе газетчика, высокого сорокалетнего очкарика, Жаков.

Тот усмехнулся.

– Да понимал я... все понимал... – Он снял очки в роговой оправе и протер их платком. Он не выглядит испуганным – разве что усталым. На нем старенький твидовый пиджак и давно не выдавшие утюга брюки из тонкого английского сукна.

– А тогда что же?... – смотрел на него в упор Алексей.

Они сидели в его небольшом прокуренном рабочем кабинете. Часового он попросил удалиться, и тот стоял за дверью, готовый в любую минуту прийти начальнику на помощь.

Так кто же перед ним – матерый волк или заблудшая овца? Такие вопросы Жаков задавал себе постоянно, когда ему приходилось допрашивать людей. Нет, не любил он решать все с кондачка, всегда пытался понять, с кем имеет дело, а потом уже принимать решение. Кого ему только не приходилось видеть за эти годы! Когда-то вот также перед ним сидели опытные вражеские разведчики и совсем сопливые полицаи, ярые антисоветчики и обыкновенные трусишки, сбежавшие с поля боя, законченные негодяи-предатели и поддавшаяся немецкой пропаганде молодежь... Казалось, ну что с ними возиться? Стриги под одну гребенку – и баста! А он возился. А вдруг что-то просмотрит в человеке, вдруг не увидит истинную его душу? Потому и прозвали его коллеги психологом. Дескать, вместо того чтобы всех этих сволочей отправить на виселицу, он копается в их дерьме.

Но зато у Алексея душа спокойна. Скольких заблудших он спас от неминуемой смерти теперь и не счесть! Нет, наказание он считал мерой правильной. Коль ты провинился перед

человечеством – изволь получить свое. Но вина ведь бывает разная, как и причины, толкнувшие человека на преступление. А жизнь нам дается одна. Поэтому надо ли всех под корень? Пусть человек отсидит свое и вернется к семье. Может, это станет для него великим испытанием, после которого он прозреет...

Вот и с газетчиком он хотел по-хорошему. А вдруг его силой заставили заниматься пропагандой фашизма? Не может нормальный человек принять эту идеологию человеконенавистничества, не может! Разве что только сумасшедший или маньяк... А этот вдруг:

– Расстреляйте меня! Слышите? Я – ваш злейший враг! Навсегда!.. Навсегда...

Он даже не говорил – он визжал. Ну, право, сумасшедший.

– Ты хоть понимаешь, что говоришь? – стукнул по столу кулаком капитан. – За тебя достойные люди просят, а ты...

Тот смолк и недоверчиво посмотрел на капитана:

– За меня?.. Просят? И кто же это, интересно знать?

– Кто? Ольховские! Знаешь таких? – спросил Алексей.

Арестованный опустил голову.

– Женечка... Милая Женечка... Как же ты добра, – произнес он.

Этого человека пришлось отправить в лагерь для перемещенных лиц. Был бы террорист какой, тогда бы Алексей принял другое решение, но тут всего лишь писака. Обиженный судьбой человек, попавший на чужбину после того, как в Гражданскую убили его отца. Где-то в Шанхае у него была жена. Там же жили его престарелая мать и сестра. В общем, сможет выкрутиться – его счастье, не сможет – придется хлебать тюремную баланду. Тоже ведь не ангел. Да, многое можно простить, но трудно понять того, кто верой и правдой служил этой проклятой всеми идее человеконенавистничества. Ведь Алексей только недавно зубами рвал этих фашистов, которые посмели напасть на его землю. Которые убили его старшего брата, многих его товарищей, в конце концов, кто посмел поднять руку на женщину – на его женщину! – которая все никак не может оправиться от этой страшной войны...

2

Как ни стремился Алексей обустроить новый дом на свой манер, ему это не удалось. Нина, которой нравилась вся эта восточная экзотика, настояла на том, чтобы он не шибко загромождал помещение и оставил все так, как было при прежних хозяевах. Ну разве что самое необходимое из мебели позволила завезти. Поэтому уже скоро в их доме появился и письменный стол, и стулья, и даже книжный шкаф, в котором они могли теперь хранить привезенные из Харбина ценные дореволюционные издания.

Однако, несмотря на это, в доме по-прежнему было все аскетично просто. В центре самой большой комнаты, отданной под гостиную, служившей заодно и столовой, стоял все тот же прежний низенький столик, вокруг которого аккуратно были разложены циновки. В углу – огромная напольная фарфоровая ваза с павлиньими перьями, которую принес им в подарок Ли. Над головой – небольшой абажур из разноцветного шелка. У одной из стен – невысокая миниатюрная софа с инкрустированным деревянным каркасом из гевеи – тоже чей-то подарок. И все. То же самое было в других комнатах. Только все необходимое – и ничего лишнего. Например, в комнате, где спали Жаковы, стоял лишь один широкий диван с круглым теплым ковриком у ног и небольшой окрашенный в белый цвет фанерный гардероб с одеждой.

Чтобы соответствовать всей этой экзотике, Нина купила себе очень красивое в сине-красных тонах шелковое кимоно для дома. Теперь она стала похожа на этакую складную миниатюрную японочку. Чуть позже у нее появилось светлое авасэ – то же кимоно, но только на легкой подкладке, в котором, подпоясавшись шелковым полосатым оби и сунув ноги в гэтэ,

можно было гулять по саду и даже ходить к морю, куда почти от самого их дома вел крутой спуск с каменными ступеньками.

Соскучившись по цивильным нарядам, Нина теперь каждую лишнюю копейку тратила на то, чтобы купить новую тряпку. Сняв офицерскую робу, она превратилась в этакую светскую даму. Правда, на работу не выражалась, довольствуясь скромным платьем, но в театр, ресторан или на званый ужин она отправлялась при полном параде. Больше всего, по ее собственному мнению, ей шла светлая кофточка из натурального китайского шелка, которую она надевала вместе с такой же шелковой волнующейся темной юбкой до самых щиколоток. Для наиболее торжественных случаев у нее имелись темное бархатное платье и лаковые туфли на высоком каблуке. Здешние женщины даже в сильную жару традиционно носили чулки, поэтому и Нине ничего не оставалось, как следовать их примеру. Не случайно в их квартире теперь в каждом углу можно было найти эти шелковые и капроновые прелести с модными в ту пору стрелками.

Не забывала она и про мужа. В первую же вылазку в город она заставила его купить себе элегантный двубортный костюм из темно-синего бостона. Выбор тряпок здесь был огромный – такого они никогда не видели. Так что это был у Алексея первый настоящий костюм в его жизни, такой, о котором можно было только мечтать.

К этому костюму они тогда прикупили несколько сорочек и галстуков, и теперь Жакову уже не стыдно было пойти в гости. А то ведь первое время он чертовски неуютно чувствовал себя в своем тесном кителе среди этой разодетой в бостоны и шелка публики. А когда себя чувствуешь неловко в гостях, то это уже не отдых, а настоящая каторга.

У Алексея в доме был свой кабинет, где он работал по ночам. Ничего особенного: письменный двухтумбовый стол с массивной столешницей, книжный шкаф, кожаное кресло да теплый коврик под ногами, который заботливо положила ему Нина. Этот кабинет был единственным местом, где он мог спрятаться и побыть наедине со своими мыслями, где его никто не тревожил, разве что какая заблудившаяся муха, случайно залетевшая в приоткрытое седзи. Порой, не желая отрываться от дел, он отказывался идти в столовую и просил, чтобы еду ему принесли прямо сюда. Чаше это делала жена, но, когда она задерживалась на работе или ее вызывали к больному, этим занимался повар Ким Ден Сан. Готовил он отменно. При этом знал не только корейскую, но и японскую кухню, потому как раньше, по его словам, он работал в японском ресторане. Жаковым все его блюда казались экзотическими. Нина больше теперь налегала на фрукты и на шоколад, который, чтобы подкормить жену, Алексей покупал целыми килограммами. Сам же с удовольствием ел все, что ему подадут, будь то домбури с сушеной рыбкой, сашими или же суси. В доме теперь постоянно стоял могучий дух восточных гастрономических ароматов. Нине это не особо нравилось. Дескать, неудобно перед гостями. А Алексей ей: да ведь здесь в каждом доме так. Одна кимчхи чего стоит! Ну а ты, мол, сама знаешь, что ни один кореец не сядет есть, пока ему эту вонючую капусту, заквашенную на рыбе с душиком, не подадут.

Теперь самым притягательным местом в доме была кухня, где целыми днями колдовал Ким Ден Сан. Жаков, будучи человеком интересующимся, любил порой заглянуть к нему на огонек, чтобы понаблюдать за тем, как он работает. Грузный и, казалось, малоподвижный, тот на удивление ловко орудовал всеми этими многочисленными столовыми ножиками, сковородками и кастрюлями. Однако самое интересное было то, как он управлялся с хибати – металлической жаровней, в которой, изредка постреливая и попыхивая дымком, лениво ворочался горящий древесный уголь. После того как Алексей в первый раз отведал блюдо, приготовленное на этих углях, он перестал признавать обыкновенную плиту. Этак вкуснее получался и приготовленный на японский манер рис – домбури, и якина – жареное мясо, и омурэцу – омлет, и нидзакана – отварная рыба...

К этим блюдам Ким обычно ставил на стол острые закуски из лобы, моркови и обязательно сеу – соевый соус.

Как правило, за продуктами на рынок он отправлялся сам, прихватив с собой ординарца Васю. Тот был у него и за носильщика, и за консультанта – кто лучше него мог ведать о вкусах своего начальника?

После таких походов на столе капитана, бывало, появлялся какой-нибудь экзотический продукт, о котором тот раньше и не слыхивал. Так он узнал, что такое лобстер, шейки лангуста, криль, кальмары... А еще были какие-то диковинные рыбы, корни, растения, были изумительно вкусные фрукты, названия которых ничего им с женой не говорили. Как и названия некоторых десертов, таких как, например, «барсучьи мандзю». Эти пирожки с фасолевой начинкой, по словам Ли Ден Чера, обожали японцы, оставившие после себя их рецепт корейским кондитерам.

Ким вечно был готов услужить капитану, стараясь полностью освободить хозяйку дома от кухни. Он ее и в кабинет-то к мужу с подносом не пускал – сам все хотел сделать. Однако Алексей в силу своей профессии был человеком осторожным, испытывающим некоторое недоверие ко всем этим местным, – кто знает, что там у них на уме! – поэтому не хотел, чтобы кто-то из посторонних входил в его кабинет. Ведь у него на столе постоянно лежали секретные документы, которые он приносил с собой, чтобы поработать с ними ночью.

Но Нина и сама была рада поухаживать за мужем. Соскучилась по семейным обязанностям. До войны-то каждый день этим занималась. Но вот наконец все возвратилось на круги своя.

Обычно принесет поднос с едой, оставит его на рабочем столе Алексея и сама тихонько ретируется, задвинув фусума. Порой он даже поблагодарить ее забудет, а если и поблагодарит, то машинально. Потому как с головой уходил в работу. «Ну и ладно, – вздохнет Нина. – Такова жизнь. Вот вернемся домой – там, глядишь, и изменится все». А пока и ей, и мужу приходится нелегко. Конечно, на фронте было гораздо тяжелее, но и эту жизнь нельзя назвать сахарной. Ни днем, ни ночью им покоя не давали. То Алексея куда-то вызовут среди ночи, то ее... Лечить-то приходится не только своих, но и местных. Отсюда и это уважение к ней. Только и слышно: «Мадам! Комапсым нида!» То есть «спасибо». А то, по старой привычке, и по-японски произнесут: «Аригато!» Так и мешают корейские слова с японскими. Японский у них по-прежнему в ходу. Когда здесь хозяйничали оккупанты, они требовали, чтобы корейцы обращались к ним только по-японски. И документы все печатались на японском, и афиши, и газеты...

Весть об искусном русском докторе быстро разлетелась по городу. И потянулись люди к небольшому одноэтажному зданию, где Нина вела прием. Приходили взрослые, приводили детей, и она всем помогала. А порой люди приходили просто для того, чтобы полюбоваться этой красивой «мадам». Нина, попав наконец в спокойную обстановку, расцвела. Она стала женственной, у нее появился тот довоенный шарм, который заставлял мужчин останавливаться на улице и долго смотреть ей вслед. Белолицая, с чуть приметным румянцем и нежными ямочками на щеках, она не оставляла никого равнодушным. Но больше всего поражала ее неправдоподобно тонкая талия, такая тонкая, что многие офицеры из местного гарнизона стали уверять, что она носит корсет. Другие же настаивали, что это не так, что это у нее от природы. Бывало, что и пари заключали. Однако как проверить? Спросить – неудобно. Да и в баню с ней не пойдешь, так что одна надежда на пляж... Но там военврач Жакова никогда не появлялась – времени не было. Так что спорщикам оставалось лишь надеяться на случай.

Но обо всем этом Нина не знала. Только когда она шла по городу, останавливались рикши; замирали с открытыми ртами прохожие. «О, мадам!» – только и слышно было вокруг. Если же она заходила в лавку, чтобы купить зелень или фрукты, ее тут же окружали женщины и дети. Они с любопытством рассматривали ее, а самые смелые даже пытались до нее дотронуться. «О, мадам! Танъсин арымдаун!» – какая же вы, мол, красивая.

Алексею было приятно видеть, как люди тянутся к Нине. У нее, как и у него, появилось много знакомых среди корейцев. Их стали приглашать в гости. Чаще всего это были известные

в городе люди: политические деятели, богатые предприниматели, известные врачи, профессора. Нина всегда была украшением вечера. Мужчины смотрели на нее с легким смущением, а то и восторгом. Женщины тоже были благосклонны к ней, помня, что это жена одного из руководителей советской военной администрации, по сути, хозяина города, от которого сейчас многое зависело – вплоть до назначения властных структур и распределения заказов на поставку продовольствия, топлива и товаров народного потребления.

Скорее всего, именно последнее стало причиной того, что Жаковых пытались всячески привечать. При этом, видимо, кто-то решил, что для этого сгодится все – и званые ужины, и подарки, и авансы с намеком... Дескать, у этих за душой ничего нет. Воевали-воевали, а ничего и не навоевали. Всего-то в наличии один немецкий трофейный аккордеон, фонарик да еще какая-то мелочь. А они им предложат деньги и золото – ну кто от такого откажется?

Однако первая же попытка подкупить Алексея закончилась ничем. «Еще раз, – сказал, – попытаетесь это сделать, арестую!»

Тогда умные корейцы решили действовать через его красавицу жену. Дескать, женщина – существо слабое, любое украшение вскружит ей голову. Капитан ее обожает, поэтому сквозь пальцы будет смотреть на ее слабости. Так мало-помалу и приручат они этих русских...

Но и с Ниной у них не вышло. Первым, кто получил отлуп, был один известный здешний торговец недвижимостью, который решил как бы в знак признательности подарить ей золотые часы.

– Чтобы больше этого не было – вам понятно? – жестко предупредила Нина. – Если это повторится, я скажу мужу...

Тот так и остался стоять с открытым ртом, держа в руках небольшую красивенькую коробочку из красного бархата.

Эти попытки продолжались и позже, но и они закончились ничем.

– Ты правильно делаешь, что не поддаешься на их провокацию, – сказал как-то жене Алексей.

Нина удивилась.

– А ты думаешь, это провокация? Может, они это делают от чистого сердца... – Нина всегда относилась к людям с уважением и вечно пыталась их оправдать.

Алексей и слышать этого не хотел.

– «От чистого сердца!» – передразнивал он жену. – А тебе не кажется, что, взяв из рук человека какую-то ценную вещь, ты начинаешь чувствовать себя обязанным?..

– Кажется, кажется!.. – с улыбкой отвечала Нина и прижималась к нему. Щека у него колючая, хотя он и брился с утра. – Поэтому я и не собираюсь брать у них все эти подарочки.

– Вот и молодец! – легонько гладил ее по голове Алексей. Волосы у нее густые, шелковистые – рука в них тонет. Неожиданно среди этой каштановой гущи, уложенной в красивую модную прическу, он заметил несколько седых волосков. Чтобы не расстраивать Нину, он не сказал ей об этом. Лишь молча пожалел ее. Вот, мол, как расправилась с ними жизнь – раньше времени постарели. И у него-то тоже все виски белые, а еще и тридцати нет.

– А иногда так хочется... – вздохнув, неожиданно произнесла Нина.

– Ты это о чем? – не понял он.

– Да об этих подарках, будь они неладны... – усмехнувшись, сказала она. – Вчера такое красивое кольцо мне пытались всучить... И знаешь, кто это был? Наш знакомый Хван Чен Сан. Ювелир... Помнишь такого?..

– Так в чем же дело – давай купим это кольцо! – тут же предложил Алексей.

Она была в восторге.

– В самом деле? – повернула она к нему счастливое лицо.

– Ну конечно! Мы что, бедные, что ли? Деньги есть – так что давай...

На следующий день, даже не взяв с собой переводчика, они отправились в ювелирную лавку, принадлежавшую тому самому господину Хвану. Магазин был небольшой, однако такого количества украшений, как здесь, они раньше никогда не видели. Одних только часов с золотыми браслетами была целая витрина. Они рядами лежали под стеклом и притягивали к себе взгляды посетителей. А еще была витрина с золотыми и платиновыми колье, были кольца с серьгами, всевозможные цепочки и браслеты...

Увидев Жаковых, Хван даже вначале растерялся. Еще бы! Такие важные гости. Он засуетился, начал бегать от прилавка к прилавку. «Кольцо? О, мадам! Хоросе, хоросе... Момент!.. Один момент...» Он немного говорил по-русски. Без этого теперь никак нельзя. Русские теперь здесь повсюду. Взяв двумя пальцами небольшое золотое колечко с сапфиром, он показал его Жаковым. Нина покачала головой. Нет, мол, я хочу то, которое вчера видела у вас в руках. Тот делал вид, что не понимает ее. Но она упорно стояла на своем: вчера... вчера... То кольцо... Ваше... И тут он вдруг будто бы что-то сообразил:

– Э... Да... Хоросе... Понимая тебя... Только момент...

Он куда-то побежал, принес кольцо. Оно?.. На лице у него даже не улыбка, а стоматологический всплеск любезности. Его изумительно белые зубы, обнажившись в легком сиянии дня, все, как один, сейчас работали на него.

– Да, это оно! – обрадовалась Нина.

Она померила кольцо – в самый раз! Алексей был рад за нее.

– Сколько стоит? – спросил он корейца.

Тот машет руками. Нет, мол, продавать я его не буду – оно ваше. Положив кольцо в бархатную коробочку, он протянул его Нине.

– Нет! – строго посмотрел на ювелира Жаков. – Говори цену!

Тот заморгал глазами.

– Цена большой...

– Сколько? – спросил Алексей.

Тот назвал цифру. Жаков вздохнул.

– Нет у нас таких денег, Нина... Слишком дорого...

Кореец вновь расплылся в улыбке.

– Недорого... Это диамант...

– Что? – не понял Жаков.

– Бриллианты... – подсказала Нина.

– Ну и что с того – все равно дорого. Вот что... – вдруг обратился он к ювелиру. – Ты это кольцо никому не продавай. Скоро я у тебя его куплю... Ты меня понимаешь?

Тот быстро-быстро кивал в ответ.

– Скоро?.. Хоросе!.. Хван не продавай кольцо... Он будет ждать мадама с капитана...

Эта история сильно расстроила Алексея. «Да что же я за мужик, коль несчастного кольца не мог купить своей жене?» – сокрушался он. Однако у него и в мыслях не было, чтобы воспользоваться своим положением. «Нет, – думал, – я лучше накоплю денег и куплю это проклятое кольцо, чем приду с протянутой рукой к тому же Хвану».

Позже он и впрямь купил это кольцо. И был горд оттого, что смог-таки это сделать без всякого урона для своей совести.

Глава восьмая

1

Возвращаясь со службы домой, Алексей часто заставлял садовника играющим с поваром Ким Ден Саном в японскую игру го – что-то наподобие русских шашек. Или в дзянкэнпон, смысл которой заключался в том, чтобы выбросить на пальцах удачную комбинацию, к примеру, именуемую «бумагой», «ножницами», «молотком», «камнем», где «ножницы» побеждают «бумагу», «камень» – «ножницы», а «молоток» – «камень». Жаков ко всему этому относился с пониманием. Люди сделали свое дело – почему бы им не отдохнуть?

Приехав как-то на обед, Жаков застал Квана за чтением.

– Ты умеешь читать? – удивившись, спросил он его через переводчика. Тот кивнул. – И что же ты читаешь?

– Любовную драму... – угрюмо произнес Кван Пен Сон.

Ли вырвал у него из рук книгу и глянул на корочку.

– Это книга на японском! – воскликнул он. – «Повесть о зеленщике» называется. Автор Икара Сайкаку...

– Не слышал про такого, – пожал плечами Алексей. – Ну и о чем пишет этот... Как там его, Сайкаку? – снова обратился он к садовнику.

Тот что-то начал быстро-быстро говорить, так, что Ли не успевал за ним с переводом. Тем не менее из отрывочных фраз, сказанных переводчиком второпях, Жаков понял, что речь в книге шла о шестнадцатилетней дочери зеленщика О-Сити, которая, не найдя иного способа увидеться с возлюбленным, подожгла родительский дом, за что была предана казни.

– Интересно... – выслушав перевод, произнес Жаков. – Значит, ты японский знаешь? – Но Ли, вместо того чтобы переводить, сказал:

– Тут, начальник, все его знают... Японцы тридцать лет нас оккупация... Как не знать?

– Ну да, ну да, – поняв свою оплошность, закивал Алексей. – В самом деле, столько лет...

И тут заговорил Кван. Говорил он напряженно, глядя то на переводчика, то на капитана.

– Он говорит, не ругайте его... Он хороший работник... А книгу взял только потому, что уже выполнил всю работу, – перевел Ли.

Жаков махнул рукой. Дескать, пустое. Я ведь не об этом.

– Кстати, как будет по-японски «желаю вам хорошо провести время»? – неожиданно спросил он переводчика.

– Таносику асондэ ирассяй! – ответил тот.

Жаков почесал затылок. Сложно. Однако можно попробовать...

– Та... носику... асондэ ирассяй! Так? – он взглянул на Ли. Тот улыбнулся.

– Правильно, капитана, правильно! – похвалил он начальника.

– Ну вот значит... – Он обернулся к садовнику и уже более уверенно произнес ту же самую фразу. Тот поклонился.

– Иттэ маирамас! – проговорил он и пошел своей дорогой.

– Что он сказал? – спросил Алексей.

– Он попрощался... – ответил Ли. И тут же вслед садовнику: – Саенара!

– А ты что ему сказал? – снова любопытствовал Жаков.

– Я тоже попрощался, – улыбнулся кореец и вдруг: – Капитана, надо аристуй Квана...

Кван – враг... Ой, боюсь я, капитана... Зачем ты такой неосторожный?

– Ладно-ладно, – похлопал его по плечу Алексей. – Всему свое время.

Ли Ден Чер был невысоким, хорошо сложенным молодым человеком с ежиком густых волос и вечной, будто приклеенной улыбкой на лице. Он не улыбался только тогда, когда видел садовника или когда Жаков допрашивал арестованных. Правда, на допросах он вел себя по-разному – в зависимости от того, кто был перед ним. Если чувствовал перед собой врага, то хмурил брови и в его голосе звучали стальные нотки, и, напротив, когда видел в допрашиваемом друга, буквально светился радостью.

– Капитана, капитана!.. – шептал он в этих случаях на ухо Алексею. – Я знаю, это хороший человек... Он не враг, точно не враг...

И что удивительно – каждый раз он оказывался прав. «Вот это, я понимаю, интуиция!» – удивлялся Жаков.

– Тебе надо в органах государственной безопасности работать, – сказал он однажды переводчику. – Давай-ка я замолвлю за тебя словечко перед товарищами из городского партийного комитета. Они как раз сейчас подыскивают надежных людей для этой службы.

Тот развел руками.

– Как хочешь, капитана... Но мне и с тобой хорошо.

Он был прав. Работать на русских было сейчас выгодно. Тут и покормят, и заплатят за работу, а когда и паек дадут. Сытно, в общем. Это у государства пока что ничего нет. Вот когда будет – другое дело...

На первых порах Алексею трудно было сориентироваться в здешней обстановке. Центр был постоянно недоволен работой контрразведчиков, ругая их за мягкотелость и требуя увеличить количество арестов, но ведь не будешь арестовывать первого встречного! Для этого нужно оглядеться, наладить агентурную работу, понять психологию здешних людей. Без этого никак. Без этого можно наломать дров. Легко сказать: арестуй, но ведь у каждого здесь огромная родня. Такой шум поднимут! А это не входит в планы контрразведки и вообще в планы временного оккупационного режима. Здесь иная задача стоит – наладить с корейцами деловые и дружеские отношения. Усилишь карательные меры – тут же население к американцам переметнется. В общем, перспективу надо видеть. А перспектива здесь одна – это создание условий для продвижения социализма на восток, а в целом – установление зоны влияния Советского Союза в этом регионе. Для этого существуют все предпосылки. Главное то, что именно Красная армия освободила эти территории от японцев.

С Китаем проще: там существовало мощное коммунистическое движение, даже были территории, где в течение многих лет правили коммунисты. Жаков был знаком с некоторыми людьми, которые во время Второй мировой были связными Коминтерна в руководстве ЦК Компартии Китая, обосновавшемся в провинции Шэньси. Однажды в Харбине ему вместе с товарищами довелось встречать транспортный самолет из Яньаня, на котором прилетела группа этих связных, возвращавшихся в Москву. Разговор тогда с ними случился недолгий – те торопились на поезд, однако кое-что они все же успели рассказать. После этого у Жакова сложилось впечатление, что недалек тот день, когда к власти в Китае придут нацеленные на дружбу с Советским Союзом люди, которые возьмут курс на строительство социализма. А иначе и быть не могло. Ведь именно СССР, отвлекая на себя основные силы японцев, не дал им расправиться с коммунистическим режимом в Яньане. Впрочем, и там существовали свои проблемы. И опять же причиной тому была эта вездесущая Америка, у которой были далеко идущие планы на счет этой страны. Пытаясь заигрывать с китайскими коммунистами, власти Соединенных Штатов одновременно оказывали всяческую поддержку гоминьдановскому режиму, который правил в Китае с 1927 года и пользовался славой прогрессивного, так как боролся против японцев. Но теперь это, по сути, была марионетка в руках американцев.

В Корее тоже были коммунистическое подполье и даже свои красные партизаны. Но эти силы были настолько незначительными, что японцам не составило труда подавить их. После этого большинство революционеров, боровшихся против феодалов и оккупантов, бежали в

СССР, а тем, кто остался, ничего не оставалось, как только уйти в глубокое подполье и наносить оттуда японцам незначительные уколы. То где-то японского чиновника расстреляют в собственном автомобиле, то мост взорвут, то склад ГСМ... Но с этим с каждым днем становилось все труднее и труднее. У японцев была широкая агентурная сеть, и они легко вычисляли подпольщиков. Так что, когда советские войска вошли в Корею, первое, что бросилось в глаза, – переполненные здешние тюрьмы. А ведь было много и тех, кому не довелось дожидаться освободителей, – их безвестные могилы были теперь разбросаны по всей стране.

Вот об этом сейчас размышлял Алексей, сидя на жесткой лавке в темной, похожей на акулю, утробе самолета. Пытался таким образом забыть и не думать об этих наглых американцах, которые, сжав советскую машину в тиски, продолжали играть в какую-то непонятную игру. Но разве забудешься! Вон они, эти ангелы смерти. Летят, будто бы провожая тебя на тот свет... Обидно, черт возьми! Особенно если вспомнить, что ТБ-7 в свое время вместе с великим Коккинаки испытывал двоюродный брат Жакова, Александр. Это Сашка когда-то сказал ему, что новый русский бомбардировщик очень надежен и ничем не уступает американскому Б-7, который называли «летающей крепостью». И вот сейчас этот хваленый ТБ, словно тот несмышленный лисенок, попался в капкан...

«Чего они хотят? – в сердцах спрашивает себя Алексей. – Может, просто решили поиздеваться над нами? Или ждут, когда им подадут команду уничтожить русский самолет? Но тогда это будет неслыханная провокация! За это не прощают... И что тогда – война?... Но ведь начинать войну со страной, у которой в руках страшное оружие, равносильно самоубийству! Американцы, видно, это понимают, потому и ведут себя так нагло. При этом не только в воздухе, но и на суше, и на море. Что ни день – то новая провокация. Где-то советскую колонну с удовольствием обстреляют, где-то на катерах атакуют идущее под советским флагом транспортное судно, а то и убьют или похитят кого-нибудь из советских военнослужащих... А сколько этих шпионов да диверсантов развелось!.. Сволочи! И это называется союзники?..» – думал Алексей.

Нервы не выдерживали напряжения, но американцам, казалось, только того и надо было. «А может, это они нас спровоцировать пытаются? – неожиданно подумал Алексей. – Ведь эти господа буржуазные демократы всегда все делают с оглядкой на мировую общественность. Если что – мы, дескать, тут ни при чем. Это они, русские, первые начали. Вот вам и фотографии в доказательство, а хотите – и киносюжет предоставим. Поэтому ни в коем случае нельзя поддаваться на провокацию. Даже если они начнут стрелять. Уж лучше погибнуть, чем подвести целую страну. Однако нужно успокоить экипаж. Вон ведь как нервничают пилоты! Оттого и бросает самолет из стороны в сторону, оттого он и прыгает то вверх, то вниз. Да и стрелки держатся из последних сил. Не дай бог, сорвутся...».

– Товарищ Козырев, пожалуйста, прикажите экипажу успокоиться. А то всякое может случиться... Вон ведь как психуют! – почувствовав, как самолет вновь качнуло в сторону, произнес он.

А Козырев, казалось, и сам уже готов был на все. Испуг прошел, и теперь он скрипел от злости зубами. Однако мысль о том, что он выполняет исключительно важное государственное задание, ни на минуту не покидала его, оттого он и пытался быть благоразумным и держать себя в руках. Выслушав Жакова, он тут же потребовал, чтобы экипаж перестал паниковать. И только после этого прекратились все эти воздушные прыжки, а стрелки убрали с гашеток побелевшие от напряжения руки.

Время переплеталось с пространством, пространство – с человеческими нервами, отчего небо по-прежнему казалось огромным черным куполом, накрывшим все человеческие надежды. Какое это испытание – быть бессильным перед обстоятельствами! То же самое, наверное, испытывает человек на глубине, встретившись один на один с акулой. Убежать – не убежишь, и одолеть невозможно... Яма судьбы. Ее тупик. Ее крах. Невозможно!

Алексею не раз приходилось быть на волоске от смерти, но разве к этому привыкнешь? Жизнь – она одна, поэтому ее так ценишь. Даже когда тебе не хочется жить, что-то удерживает тебя от последнего шага... Нет, жизнь надо любить, потому что, какой бы она ни была, это все равно жизнь.

Однажды Жакова так прижало, что он готов был под трамвай броситься. Это произошло еще до войны – они тогда с Ниной только-только поженились. До этого все шло хорошо. Была любовь, были средства для существования – что еще нужно? А тут вдруг заказы перестали поступать заводу. Месяц сидят без зарплаты, другой... Работали-то сдельно. А зарплата врача с гулькин нос – на нее не проживешь. А он мужик – стыдно на шее у жены сидеть. И главное – никаких перспектив. Сам не понимает, как он тогда устоял от соблазна враз покончить со всеми этими бедами... Но не для того выживал, не для того жизнь свою сиротскую голодную сохранил, чтобы положить ее на трамвайные рельсы. И потом слабаком запомнят, а он гордый. Даже смерть не так страшила, как худая слава. Выдержал. Выстоял. А жизнь – она полосатая. Все равно когда-нибудь наступит просветление. И у них с Ниной такое просветление наступило. Она до сей поры не знает, что с ним тогда творилось. И не узнает никогда. Чтобы не нести через всю свою жизнь эту его нечеловеческую боль, чтобы не жить с грузом недобрых воспоминаний – их и без того хватает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.